

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

Н. Н. Трошина

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА

Аналитический обзор

**МОСКВА
2020**

ББК 81.025
Т 70

Серия
«Теория и история языкознания»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

Опарина Е. О. – канд. филол. наук,
Раренко М. Б. – канд. филол. наук

Трошина Н. Н.

Т 70 Экология языка: аналит. обзор / РАН. ИНИОН.
Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкозна-
ния: Редкол.: Опарина Е. О., Раренко М. Б. – М., 2020. –
54 с. – (Сер.: Теория и история языкознания).
ISBN 978-5-248-00955-8

Анализируются факторы продолжительности жизни языков и изменения среды их существования, опасность исчезновения и смерти малых языков, изменения коммуникативного статуса основных европейских языков, связанные с развитием глобализационных процессов.

Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

ББК 81.025

ISBN 978-5-248-00955-8

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВВЕДЕНИЕ	5
II. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛИНГВИСТИКИ	8
1. Происхождение термина «эколингвистика»	8
2. Понятийный аппарат эколингвистики	9
3. Основные направления эколингвистики	10
III. ЭКОЛИНГВИСТИКА И ДРУГИЕ ПАРАДИГМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	12
1. Эколингвистика vs структурная лингвистика	12
2. Экологический аспект дискурсивной лингвистики	13
3. Эколингвистика vs антропоцентрическая лингвистика	13
4. Эколингвистика и другие разделы языкознания	15
IV. МАКРОЭКОЛИНГВИСТИКА	15
1. Общие замечания. Гравитационная модель языков	15
2. Исчезновение и смерть языков	17
3. Лингвоцид и языковой империализм	20
4. Жизнеспособность языка	22
5. Возрождение языков: «За» и «Против»	24
6. Языковые права человека	26
V. МИКРОЭКОЛИНГВИСТИКА	36
1. Эмотивная лингвозоология	36
2. Экологический кризис русского языка	38
3. Лингвозоологическое право человека	40
VI. КРИТИКА ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА	42
VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	46
Список литературы	48

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА

Проблемы, тенденции, перспективы

Аннотация. В обзоре характеризуется экология языка (эколингвистика) как полипарадигмальное направление языкознания, являющееся исследовательским откликом на один из важнейших запросов современного общества – запроса на обеспечение культурного и языкового разнообразия мира, а также безопасности языков. Этот запрос особенно актуален в эпоху глобализации, которая существенно изменила карту языков мира и мировой языковой порядок, так как этот порядок уже не может определяться принципом «одно государство – одна нация – один язык».

Описывается соотношение эколингвистики с традиционными парадигмами языкознания. Излагаются теоретические положения двух основных направлений эколингвистики: макроэколингвистики (проблемы исчезновения, смерти, жизнеспособности и возрождения языков; языковые права человека) и микроэколингвистики (проблемы загрязнения языка, снижения уровня речевой культуры и дискурсивной компетенции носителей русского языка; лингвоэкологическое право человека).

Дается критический анализ лингвоэкологической концепции языка.

Ключевые слова: эколингвистика; макроэколингвистика; микроэколингвистика; эмотивная лингвоэкология; антропоцентрическая лингвистика; андроцентризм; экологический дискурс; гравитационная модель языков; языковое разнообразие; исчезновение языка; смерть языка; языковой империализм; жизнеспособность языка; возрождение языка; языковые права человека; лингвоэкологическое право человека; экологический кризис русского языка; языковое сознание.

Language Ecology

Abstract. The review describes language ecology (ecolinguistics) as a poly-paradigm direction of linguistics, which is a research response to one of the most important requests of the modern society – the request to ensure the cultural and linguistic diversity of the world, as well as the safety of languages. This request is particularly relevant in the era of globalization, which has significantly changed the map of the world's languages and the world language order, since this order can no longer be determined by the principle of «one state – one nation – one language».

The review describes the relationship between ecolinguistics and traditional paradigms of linguistics. The theoretical issues of the two main areas of ecolinguistics – macroecolinguistics that views the problems of disappearance, death, viability, and language revitalization and language human rights, and microecolinguistics that discusses the problem of pollution of the language, level of speech culture and discourse competence of native Russian speakers reduction as well as human rights for ecological language environment.

A critical analysis of the ecological concept of the language is also given.

Keywords: ecolinguistics; macroeconomics; microeconomics; emotive ecology of language; anthropocentric linguistics; androcentrism; environmental discourse; language gravity model; language diversity; the language disappearance; language death; linguistic imperialism; language vitality; language revival; language human rights; environmental crisis of the Russian language; linguistic consciousness.

I. ВВЕДЕНИЕ

Понятие экологии охватывает сегодня самые разные сферы, важные для существования как человеческого общества в целом, так и для каждого человека, в частности. Поэтому на страницах газет, на телеэкране, в Интернете широко дискутируются проблемы экологии окружающей среды, культуры, технического прогресса и многих других сфер жизни.

Проблемы экологии языка как свойства человеческого интеллекта, т.е. проблемы существования и судьбы разных языков стали обсуждаться с 70-х годов XX в. сначала среди лингвистов и культурологов, а затем и в более широких научных кругах. Это произошло потому, что в 70-х годах XX в. стали ощутимо проявляться последствия тенденции к глобализации, что не замедлило

сказаться и на сфере вербальной коммуникации как на языковом обеспечении глобализационных процессов. Это предъявило новые требования к коммуникативным ресурсам языков и, следовательно, повлияло на «встроенность» языков в систему мировой коммуникации – на их место в ней. Встал вопрос об особенностях функционирования различных языков в их окружающей среде как комплекса социальных, политических, юридических, исторических, этнографических и межкультурных условий бытования. По времени эти проблемы совпали с подъемом экологического движения в Европе. Целью этого движения, провозглашавшего, что человек должен жить в гармонии с природой, была мобилизация людей на защиту окружающей среды, охрану еще сохранившихся экосистем (например, бассейна Амазонки, Большого Барьерного рифа), а также на сохранение биологических видов (например, китов, слонов, тигров), исчезающих под влиянием человеческой деятельности. Распространение понятия «экология» на язык было обусловлено распространением идеологии мультикультурализма. В результате «необходимость защиты биологического и культурного разнообразия быстро распространилась на защиту языкового разнообразия» [Марусенко, 2015, с. 137] и появилось новое направление исследований – экологическая лингвистика, предметом которой стало «сохранение жизнеспособности языка как своеобразной окружающей среды человека» [Карасик, 2013, с. 191–192].

Сколько же сегодня существует языков? Этот вопрос нередко задается и в другой форме: сколько требуется языков для общения в современном мире? Данные о количестве языков существенно разнятся – от шести до семи тысяч, – прежде всего потому, что далеко не всегда можно провести четкую границу между языком и диалектом. Распределение языков по регионам показано в следующей таблице, приведенной в книге М. А. Марусенко «Новый мировой языковой порядок»:

Таблица

Регион	Число языков	%
Америка (Северн., Центр., Южн.)	1000	15
Африка	2011	30
Европа	225	3
Азия	2165	32
Тихоокеанский регион	1302	19

«Огромное число языков используется очень малым числом носителей. Округляя, можно сказать, что 5% языков в мире используется 95% человечества, а 95% языков используется 5% человечества» [Марусенко, 2019, с. 79]. Среднее число носителей одного языка составляет 5–6 тыс. человек. Важно, что 84% языков являются эндемичными, т.е. существуют только в одной стране.

В современной всемирной лингвосфере [Лаптева, 2006; Мельник, 2006] происходят настолько масштабные и существенные изменения, что есть все основания говорить о новом мировом языковом порядке в эпоху постмодерна¹ – третьего этапа в истории европейской цивилизации. Поскольку эти изменения происходят при параллельном особенном усилении позиций одного из европейских языков – английского, – необходимо подчеркнуть важность изменений именно в европейской цивилизации, т.е. западной, не упуская из виду экономические, культурные и языковые изменения в восточной цивилизации, в результате чего формируется современная глобальная цивилизация. Для нее характерно смещение культурных архетипов, «возрастание значения высоких технологий, виртуализация экономики и политики, стохастическая непредсказуемость» [Гордеев, 2007, с. 103]. Л. В. Скворцов характеризует современную глобальную цивилизацию как сложный исторический продукт, в основе которого лежит «адаптация порядков поведения человека к задачам сохранения, продолжения и совершенствования условий его жизни» [Скворцов, 2018, с. 87].

Новизна современной глобальной лингвосферы характеризуется возникновением в ней следующих культурных и языковых проблем:

1) уменьшением места и снижением роли национальных языков на их собственной традиционной территории; 2) подчинением языков законам рыночной экономики; 3) созданием экстерриториальных сообществ, независимых в языковом отношении, например научных; 4) сетевыми эффектами в сферах, зависящих друг от друга (например, в сферах «образование – наука – производство»); 5) ослаблением связи между языком и идентичностью; 6) нарушением равновесия в международном использовании языков [Марусенко, 2015, с. 29].

¹ Социологи различают три этапа в истории европейской цивилизации: 1) эпоху премодерна (с начала истории человечества до, примерно, 1700 г., когда народы выражали свою идентичность не столько через язык, сколько через религию); 2) эпоху модерна (Новое время: эпоха индустриального и постиндустриального государства – примерно до 1960-х годов); 3) эпоху постмодерна (с конца 1970-х годов). – *Н. Т.*

Все эти изменения протекают на фоне усиливающихся иммиграционных процессов, языковым аспектом которых занимается новое направление в языкознании – лингвистика миграционных процессов (миграционная лингвистика), делающая акцент на проблемах, которые возникают при языковых контактах и при культурном трансфере, т.е. исследуется самочувствие языка в новой среде его бытования. Анализируется языковая динамика контактирующих языковых сообществ, сопровождающаяся обменом языковыми структурами и дискурсивными традициями культур [Stehl, S. 33] – цит. по: [Tretow, 2016, S. 1], что не проходит бесследно для языкового сознания человека, поскольку экология языка неразрывно связана с экологией сознания человека и определяется его взаимоотношениями с окружающим миром.

Все вышеназванные обстоятельства привели к возникновению нового направления лингвистических исследований – экологической лингвистики (эколингвистики).

II. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛИНГВИСТИКИ

1. Происхождение термина «эколингвистика»

Новое направление размышлений о языке получило название «эколингвистика», поскольку гораздо раньше, еще в 1886 г. немецкий естествоиспытатель Эрнст Геккель (Ernst Haeckel) предложил название «экология» для науки о различных видах взаимодействия между организмами, с одной стороны, и организмами с окружающей средой – с другой. Таким образом, был сформулирован новый целостный подход к изучению биологических явлений. Почти одновременно с Э. Геккелем его соотечественник языковед Аугуст Шлейхер (August Schleicher), находившийся под сильным влиянием идей дарвинизма и основавший натуралистическое направление в языкознании, предложил подход к языку как к живому организму, проходящему в своей истории те же стадии, что и объекты живой природы. Этот подход оказался очень привлекательным, а термин «экология» весьма скоро стал символичным для науки конца XIX в., и особенно XX в., так как стал широко использоваться в метафорическом значении: появились публикации по экологии разума, экологии межличностных отношений, экологии общества, экологии поведения. Как отмечает Н. Г. Солодовни-

кова, современное научное знание в целом характеризуется тенденцией к экологизации: «Это означает распространение идей и терминопонятий первоначально исключительно биологической экологии как науки об охране окружающей среды (по Э. Геккелю) на другие естественно-научные и даже гуманитарные науки» [Солодовникова, 2013, с. 43].

2. Понятийный аппарат эколлингвистики

К языку термин «экология» был впервые применен в 1970 г. американским лингвистом Эйнарсом Хаугеном в его докладе «Экология языка», который через два года был опубликован в сборнике статей того же автора [Haugen, 1972]. Э. Хауген использует этот термин в социо- и психоллингвистическом аспектах: как между животными и растениями существует биологическое равновесие, с одной стороны, и конкуренция и борьба за выживание – с другой (т.е. их благополучие и выживание зависят друг от друга), так и между языками существуют отношения равновесия и соперничества, причем не только в границах государств и других политических образований, но и в сознании людей, владеющих более чем одним языком. Особенно четко эта аналогия проведена впоследствии в работах Н. Денисона и Дж. Трейгата [Denison, Tragut, 1990]. Метафорические выражения «выживание языка» и «смерть языка» использовались и раньше, но Э. Хауген связал их с понятием окружающей среды. Известный австрийский эколлингвист Алвин Филл [Fill, 1987; Fill, 1993; Fill, 1995; Fill, 2001]¹ уточняет это понятие применительно к языку как совокупность социальных и психологических обстоятельств существования языков и диалектов, определяющую статус языка и его привычную для носителей ценность (*intimacy, Vertraulichkeit*). С учетом этого осуществляется языковая кодификация, языковое планирование и другие виды политико-административного вмешательства в жизнь языка [Fill, 1995, S. 63].

Совершенно иначе, чем у Э. Хаугена, проблематика экологии языка представлена в публикациях Д. Болинжера, в частности, в его книге «Язык, заряженное оружие: Использование и порча языка сегодня» [Bolinger, 1980]. Автор проводит параллель между

¹ См. также материалы двух конференций по эколлингвистике, вышедшие в одном томе под ред А. Филла: [Colourful green ideas, 2002]. – Н. Т.

экологическими проблемами загрязнения воздуха и воды, с одной стороны, и загрязнением, т.е. порчей языка – с другой (ср. с положениями эмотивной лингвистики – см. ниже): как загрязненный воздух искажает вид неба, так и изуродованный язык искажает картину мира в сознании людей. Д. Болинжер исходит из того, что язык формирует наше сознание и мышление, которое направляет наши действия и поэтому может быть использован в манипулятивных целях. Только публичное обсуждение речевых практик может очистить язык, считает Д. Болинжер [Bolinger, 1980, p. 182].

Используя понятие «экология», большинство авторов-эколингвистов делают акцент на приоритете общности интересов исследуемых объектов, на не-развитии одного за счет другого, на ко-эволюции вместо изоляции. Особенно важным для экологического подхода является предпочтение малого большому, т.е. отрицается развитие сильного за счет слабого и, таким образом, утверждается разнообразие окружающего мира.

Эколингвистика как синкретичная наука основывается на едином принципе для изучения целого ряда феноменов, взаимодействующих с языком [Fill, 1993, S. 2], что проявляется в тесном взаимодействии эколингвистики с другими лингвистическими дисциплинами.

3. Основные направления эколингвистики

В эколингвистике наиболее распространена точка зрения, согласно которой выделяются два основных направления исследований:

1) *макроэколингвистика*, занимающаяся проблемами выживания, исчезновения / смерти языков, а также проблемами языковой политики, языковых конфликтов и языковых прав человека; 2) *микроэколингвистика*, в рамках которой языковые единицы, речевые акты и речевое поведение в целом анализируются с позиций коммуникативной этики, т.е. с позиций лингвозоологии.

Существуют и другие концепции: так, например, Е. В. Иванова исходит из проблематики дискурса, в соответствии с чем предлагает различать: 1) *экологическую лингвистику*, которая «отталкивается» от экологии и метафорически переносит на язык и науку о языке экологические термины, принципы и методы исследования, изучает связь и воздействие языков друг на друга; 2) *языковую экологию*, которая «рассматривает выражение в языке экологических тем... Языки и тексты анализируются с точки зрения их 'эко-

логичности¹, исследуется роль языка в описании актуальных проблем окружающего мира» [Иванова, 2015, с. 71].

С различными подходами к выделению направлений лингвистических исследований связана некоторая неупорядоченность терминологического аппарата в этой области. Так, например, А. П. Сковородников считает смысловым аналогом термина «лингвозэкология» «словосочетание *экология языка* (иногда синонимом последнего выступает *языковая экология*), смысл которого заключается в том, что речь идет о таком ответвлении (направлении) экологии, объектом изучения которого является язык (ср.: лингвокультурология)... Что касается термина *лингвозэкология*, то выбор его демонстрирует также уважение к сложившейся в России терминологической традиции, заложенной в 80-х годах прошлого века» [Сковородников, 2016, с. 28]. Прочитированный автор составил словарь лингвозэкологических терминов [Экология русского языка: Словарь ..., 2017], например: «**Больной язык** – функционально слабый язык или язык, функциональный статус которого демонстрирует определенную степень неблагополучия (узость сфер употребления, небольшой объем функционирования языка в этих сферах, низкая численность носителей языка, интенсивное влияние другого, функционально более мощного языка и пр.), что в перспективе может привести к угрозе исчезновения языка» [Экология русского языка: Словарь ..., 2017, с. 22].

Этот словарь примечателен его ориентированностью на будущее, поскольку он отражает не только реально существующие феномены, но и предлагает термины для обозначения явлений виртуальных, но крайне желательных с точки зрения лингвозэкологии¹, например: «**Государственный лингвозэкологический кадастр*** – свод документированных данных о состоянии языка (языков), среды его (их) обитания, его (их) правового положения на всей территории РФ, с дифференциацией этих данных по регионам (областям, национальным республикам и автономиям). Составление и периодическое обновление Г. л.к. входит в компетенцию Государственной лингвозэкологической службы. Г. л.к. является одной из основ для выработки государственной *языковой политики*» [Экология русского языка: Словарь ..., 2017, с. 43].

¹ Такие термины обозначены в словаре звездочкой – *. – Н. Т.

III. ЭКОЛИНГВИСТИКА И ДРУГИЕ ПАРАДИГМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1. Эколингвистика vs структурная лингвистика

Лингвоэкологический подход к языку противопоставляется структурному¹, при котором язык трактуется как иерархически организованная система знаков и при котором исследуются грамматические структуры языка, его словарь и звуковой состав. С позиций же эколингвистики язык является компонентом системы отношений, существующих между людьми, политическими партиями, народами, религиями и т.д. [Fill, 1987, S. 10–12]. Каждое речевое высказывание рассматривается именно с этих позиций. Разницу между структурным и экологическим подходом к языку А. Филл иллюстрирует на следующем примере:

«А.: Гельмут, в этом не было необходимости, меня зло берет!

Б. Я говорю, что хочу, и имей это в виду!».

При структурном подходе констатируется последовательность высказываний, характеризующихся определенными синтаксическими особенностями, отбором лексики, интонацией и использованием определенного языкового варианта (вторая фраза произнесена на тирольском диалекте австрийского варианта немецкого языка. – *Н. Т.*). При экологическом же подходе акцент делается на роли этого диалога в возможности возникновения натянутых отношений между говорящими и, следовательно, между политическими партиями, которые они представляют. Иными словами, экологический подход к языку нацелен на исследование языкового аспекта в ситуации мира или конфликта.

Система в ее структуралистском понимании находится в состоянии равновесия, т.е. статики. В эколингвистике также используется понятие системы, а именно экосистемы как открытого, динамичного образования, элементы которого взаимодействуют друг с другом, что приводит к нарушению равновесия системы. Эти процессы остаются незамеченными при чисто структурном подходе к языку, т.е. структуралистская дихотомия «синхрония – диахрония» принципиально неэкологична.

¹ А. Филл называет его морфологическим [Fill, 1987]. – *Н. Т.*

2. Экологический аспект дискурсивной лингвистики

Дискурс как реальность существования языка представляет собой совокупность устных и письменных высказываний / текстов по различным общественно актуальным темам и проблемам. Экологический дискурс объединяет высказывания / тексты о существовании и взаимодействии человека и других живых организмов между собой и с окружающей средой [Иванова, 2015, с. 82]. К основным проблемам этого дискурса относятся воспитание экологического сознания человека, философские и психологические аспекты экологии, узкоспециальные проблемы сохранения окружающей среды, а также международная деятельность мирового сообщества и формирование языка документов по экологическим проблемам [Терминосистемы экологического дискурса, 2016, с. 8].

В поле экологического дискурса формируются свои экотерминосистемы, которые подразделяются специалистами на три категории: 1) термины глобальной экологии; 2) термины природопользования; 3) термины экологии человека. Авторы коллективной монографии «Терминосистемы экологического дискурса в английском, французском и русском языках: Полипарадигматический подход к исследованию, переводу и обучению» высказывают вполне обоснованное недоумение, что лингвисты не принимают участия в этом терминотворчестве [Терминосистемы экологического дискурса, 2016, с. 9]. Отмечается также использование так называемых «экологических переименований», основанных на экологических метафорах, назначение которых состоит в том, чтобы «встряхнуть» сознание людей, показать истощенность природы в результате хозяйственной деятельности человека, например, «смерть леса», «ампутация ветвей».

Предпринимаются попытки когнитивного моделирования экологического дискурса, для чего используются метафорические модели «природная катастрофа – живой организм» и «природная катастрофа – это война / борьба» [Иванова, 2015, с. 121, 139].

3. Эколингвистика vs антропоцентрическая лингвистика

Лингвоэкологической концепции противостоит антропоцентрическая концепция, согласно которой человек есть центр и высшая цель мироздания. Поскольку основной постулат эколингвистики состоит в том, что человек и его язык являются лишь

компонентами окружающей среды, которая и для блага и самого человека, и для самой себя должна находиться в состоянии равновесия, антропоцентризм является для эколоингвистики абсолютно неприемлемой категорией. Она выявляет антропоцентрические установки языка, основываясь на его категоризирующей функции, т.е. на способности языка дифференцировать мир в пространственном, временном и аксиологическом отношении: «Язык называет мир антропоцентрически, т.е. с точки зрения человека, и эта точка зрения отражает полезность называемого для человека», подчеркивает А. Филл [Fill, 1993, S. 104], например, *Unkraut* «сорняк», т.е. «травя, вредная для растений, полезных человеку».

Языковой антропоцентризм проявляется также и в том, что для обозначения одних и тех же процессов и ситуаций часто используются слова с разной аксиологической окраской, например, если речь идет о людях, то используется слово люди «едят» (*essen*) – животные «жрут» (*fressen*), люди «умирают» (*sterben*), животные «подыхают» (*krepieren*).

По мнению А. Филла, отражение одномерности антропоцентричного мышления проявляется в языке не только в положительной стилистической окраске имен прилагательных, обозначающих качества больших объектов (ср.: «большой / высокий дом – маленький / низкий дом»), но и глаголов (ср.: «убыстрять – замедлить», «расширяться – сжиматься») [Fill, 1993].

Разновидностью языкового антропоцентризма является также андроцентризм языка: многие объекты действительности называются именами существительными мужского рода (феномен сексизма), например: «99 певиц + 1 певец» = 100 певцов» (т.е. используется слово «певец» мужского рода во множественном числе); немецкое неопределенно-личное местоимение *man* образовано от имени существительного мужского рода *der Mann* «мужчина». На это постоянно обращают внимание специалисты по гендерной лингвистике, например, Г. Цифонун и так называемые «сторонники гендерно-корректного речевого поведения» (*stricktes Gendern*) [Zifonun, 2018, S. 53], которые выступают за обеспечение гендерного равенства и демократических прав лиц, принадлежащих к различным гендерным группам, в различных ситуациях речевого общения, например в суде. Поэтому сторонники гендерно-корректного речевого поведения (и, соответственно, критики языкового андроцентризма) выступают против «универсального мужского рода» (*generisches maskulinum*) [Zifonun, 2018, S. 44] как обобщающего грамматического признака, игнорирующего различия в биологическом поле называемых лиц.

4. Эколингвистика и другие разделы языкознания

Наиболее активное и широкое применение лингвозкологическая концепция нашла у *социолингвистов*. Так, В. И. Карасик видит в эколингвистике «новое измерение социолингвистики» [Карасик, 2013, с. 191], а Х. Хаарманн использует понятие «лингвозкологические переменные» (*sprachökologische Variablen*), к которым относит те же параметры языковой ситуации, определяющие поведение носителей языка в группах, что и социолингвисты: этнодемографические, социальные, политические, культурные, психические, интеракционные, языковые [Haarmann, 1980]. Эти переменные вступают в сложные взаимоотношения, которые могут быть квалифицированы в терминах экологической системы.

Соотношение эколингвистики и *прагмалингвистики* – это соотношение гиперонима и гипонима, т.е. эколингвистика – это более широкое понятие, чем прагматика в ее лингвистическом рассмотрении: «Прагматика занимается использованием и воздействием языка здесь и сейчас и вообще рассматривает язык как целенаправленное средство коммуникации, с помощью которого осуществляется обмен знаниями и который категоризирует картину мира. В эколингвистике же исследуются такое воздействие и такие функции языка, которые не могут быть объяснены в терминах теории речевых актов» [Fill, 1993, S. 7].

IV. МАКРОЭКОЛИНГВИСТИКА

1. Общие замечания. Гравитационная модель языков

Макроэколингвистика занимается проблемами взаимодействия языков со средой их обитания, взаимовлияния, а также проблемами развития и востребованности языков. В условиях глобализации, когда заметно изменился мировой языковой порядок [Марусенко, 2019], для представления и изучения влияния глобализационных процессов на лингвосферу стала использоваться так называемая гравитационная модель языков, разработанная голландским социологом Абрамом де Свааном [Swaan, 2001] и французским лингвистом Луи-Жаном Кальве [Calvet, 2007] на основе теории миросистемного анализа отношений между пространственными объектами. Эта теория американского социолога и политолога И. Валлерстайна [Валлерстайн, 2017], исследовавшего со-

циальную эволюцию систем, а не отдельных социумов, была перенесена на языковую сферу, в которой были выделены четыре иерархические группы:

1) периферийные языки, т.е. шесть-семь тысяч малых языков; их носители вынуждены использовать другие языки для общения вне своих этносов;

2) центральные языки (100–200 языков) – их используют носители периферийных языков для общения с соседями в своих географических регионах;

3) суперцентральные языки – это международные государственные языки, на каждом из которых говорят не менее 100 млн человек (французский, немецкий, испанский, русский, арабский и т.д.)¹;

4) гиперцентральный язык – английский, который используется для общения носителей суперцентральных языков.

Как подчеркивает М. А. Марусенко, для оценки состояния мировой системы языков недостаточно просто сосчитать, сколько языков существует на нашей планете: необходимо выяснить количество носителей на каждом языке, их распределение по странам, их функциональную нагрузку и их статус [Марусенко, 2015, с. 106]. Более 100 млн человек говорят всего лишь на девяти языках: на мандаринском китайском, испанском, английском, классическом арабском, хинди, бенгальском, португальском, русском, японском; на 13 языках говорят от 100 до 50 млн человек: на немецком, яванском, шанхайском китайском, телугу, вьетнамском, корейском, французском, маратхи, тамильском, западнопенджабском, итальянском, урду, турецком (языки перечислены в порядке убывания численности их носителей) [Марусенко, 2015, с. 106–107]. Очень большую роль играет престиж языка, что определяется статусом языка в стране его использования: если язык не является официальным языком, то высокого статуса он не имеет даже при большом числе носителей. Так, бенгальский язык в Бангладеш при численности носителей в 182 млн человек относится к малым языкам, а финский в Финляндии при численности носителей в пять миллионов человек не считается малым, так как имеет статус государственного языка.

¹ В определенных социолингвистических ситуациях суперцентральные языки могут оказаться в ситуации малых автохтонных языков, что имеет место, например, с немецким языком в Дании, Франции, Польше, Чехии, Венгрии, Намибии, Бразилии, Румынии, Белизе (бывшем Гондурасе), Мексике, Парагвае, Канаде и США [Трошина, 2017].

2. Исчезновение и смерть языков

Эта тема относится к наиболее активно обсуждаемым не только лингвистами, но и специалистами из других областей гуманитарного знания – культурологами, историками, этнографами, социологами (не говоря уже о журналистах).

Прежде всего, необходимо уточнить терминологию, которая используется в таких дискуссиях. Нередко термины «исчезновение языка» и «смерть языка» используются как синонимы, что неправильно, так как стоящие за этими терминами понятия соотносятся как процесс и его результат: смерть языка наступает в результате его постепенного исчезновения, т.е. ухода из употребления его носителями. Соответственно, различаются исчезающие и мертвые языки. Исчезающие языки сегодня еще используются, но могут исчезнуть в ближайшее время из-за вымирания их носителей или из-за перехода носителей на другой язык. Мертвый язык не имеет носителей.

Различаются следующие степени сохранности языков:

1) вымершие (мертвые) (extinct) языки, например полабский, прусский, готский (был жив еще в XVIII в. в Крыму);

2) языки на грани вымирания / исчезновения (nearly extinct), например ливский, юкагирский (осталось несколько десятков / сотен пожилых носителей);

3) исчезающие / вымирающие языки (seriously endangered), например ижорский, вепсский, идиш, бретонский (носителей от 200 до нескольких десятков тысяч, но детей, говорящих на таких языках, практически нет);

4) неблагополучные языки (endangered), например селькупский, ненецкий, коми, ирландский (число носителей от одной тысячи до миллионов);

5) нестабильные языки (potentially endangered), например долганский, чукотский, малые языки Дагестана (языком пользуются люди всех возрастов, но у него нет официального статуса и, соответственно, престижа; его этническая территория настолько мала, что может исчезнуть в результате какого-либо катаклизма);

6) благополучные / невымирающие языки (not endangered), например русский, английский, эстонский [Реликтолингвистика].

Утвердившийся в специальной литературе термин «смерть языка», предложенный немецким лингвистом Вольфгангом Дресслером [Dressler, 1981], основан на экологической метафоре, уподобляющей языки биологическим видам, тем более что наблюдается некая корреляция между био- и глотторазнообразием

(языковым разнообразием): «...в ареалах, в которых существует максимальное число видов, говорят на максимальном числе языков. Такими ареалами являются территории, расположенные между Северным и Южным тропиками, в частности Новая Гвинея и Экваториальная Африка. Это явление, получившее название *‘биолингвистическое разнообразие’*, объясняется тем, что языки приспосабливаются к естественным средам и что в тех зонах, где существуют самые разнообразные *экосистемы*, языки также проявляют тенденцию к максимальной дифференциации» [Марусенко, 2015, с. 135].

М. А. Марусенко уточняет понятие «смерть языка», сравнивая мертвые и классические языки и связывая понятие «смерть языка» с понятием «выживание языка». В качестве наиболее яркого примера приводится латинский язык – «уже не живой, но еще и не совсем мертвый» [Марусенко, 2015, с. 135]. Такие престижные классические языки имеют больше шансов на выживание, так как в течение долгого времени используются как литургические. Это подтверждается также на примере коптского языка (последняя стадия ныне мертвого египетского языка), вымершего к XVII в., но используемого и сегодня в богослужении в коптских православных храмах. Смерть языка связана со смертью последнего его носителя (носителя от рождения), что означает смерть целого языкового сообщества. Сказанное подтверждается следующим примером: 4 февраля 2010 г. скончалась последняя носительница языка *бо*, на котором говорили на Андаманских островах, расположенных в Бенгальском заливе. Из семи аборигенных языков, использовавшихся на этих островах, осталось шесть живых языков, и все они находятся под угрозой очень быстрого исчезновения: на самом распространенном из них, на языке джарава, говорят 250 человек, на шести остальных – менее 500 человек. «Со смертью этих языков исчезнет одна из старейших цивилизаций в мире, существующая на этом архипелаге уже 65 000 лет. Хватило менее двух веков колонизации, депортации и угнетения, чтобы этот народ и его культура исчезли с лица земли» [Марусенко, 2015, с. 102].

Существуют «Мировой Атлас языков, находящихся под угрозой» [UNESCO atlas of the worlds languages in danger] и «Атлас языков России» [Атлас языков России]. В России 120 языков находятся в опасности (языки малых народов Сибири, Дальнего Востока, Кавказа и Севера европейской части России), 15 уже признаны мертвыми, например алеутский, ительменский, нивхский.

Рассуждая о печальной ситуации с утратой языков, следует различать понятия «сильный язык» и «слабый язык», за которыми стоит экономический и социальный потенциал страны, где данный язык является официальным / государственным. Приведем определения этих двух терминов: «Государственный язык. Язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной, экономической и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Язык государственно-административных текстов, законов, распоряжений, обучения, массовой информации и др.» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 47]; «Официальный язык. 1. Политико-юридический синоним государственного языка. В некоторых странах термин употребляется в законодательстве вместо термина 'государственный язык'. ... 2. Юридический статус языка, использующийся в международной сфере деятельности, в международных организациях» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 159–160].

У. Аммон пишет об «экономической силе языковых сообществ» (*ökonomische Stärke der Sprachgemeinschaften*) [Ammon, 2015, S. 193], которая вычисляется по следующей формуле: 1) валовый внутренний продукт на душу населения в данной стране умножается на число говорящих в ней на данном языке (носителей языка и лиц, для которых он является языком вторичной социализации); 2) полученные показатели по каждой стране, в которой используется данный язык, суммируются, в результате чего получается коэффициент «общей экономической силы данного языка» (*ökonomische Stärke der Sprache insgesamt*) [Ammon, 2015, S. 191]. Таким образом, следует признать, что неравенство, существующее между экономически сильными и экономически слабыми странами, находит свое выражение и в языковой сфере: в процессе контактирования с сильным языком слабые (чаще всего миноритарные) языки подпадают под его влияние, так как носители переходят на использование сильного языка, что с большой степенью вероятности приводит к исчезновению слабого языка. Перечисляя изменения, происходящие в системе исчезающего языка, М. А. Марусенко особо отмечает разрушение морфологических структур, переход от синтетизма к аналитизму, разрушение синтаксических конструкций, появление заимствований, потерю словообразовательной активности и стилового разнообразия, проявления морфологического и аналогического нивелирования [Марусенко, 2015, с. 99].

В коммуникативном плане слабый / миноритарный язык теряет престиж в глазах своих носителей, что приводит к потере им

коммуникативных функций и, следовательно, к сокращению сфер употребления: сначала от него отказываются городские элиты, затем все городское население, затем он используется только в изолированных сельских сообществах. Совершенно прав М. А. Марусенко, утверждая, что «глобализация не является нейтральной по отношению к взаимодействию между языками, но всегда поощряет использование сильных языков, результатом которого является замена слабых языков на языки лидеров глобального мира. Иными словами, дорога глобализации устлана мертвыми языками» [Марусенко, 2015, с. 259].

Существуют два вида смерти языка: 1) индивиды по личным причинам не передают свой язык детям; 2) государство проводит языковую политику, направленную на уничтожение языка, например не обеспечивает образования на этом языке, мешает его публичному использованию, поощряет использование другого (в частности, соседнего языка).

3. Лингвоцид и языковой империализм

В дискурсе по проблемам судьбы языков / смерти языков / выживания / сохранения используются понятия «лингвоцид» и «языковой империализм» для обозначения определенного направления в государственной языковой политике.

Термин «лингвоцид» морфологически встраивается в цепочку терминов с компонентом *-цид*, обозначающим «убийство, уничтожение объекта, названного первым компонентом: 1) «геноцид» (термин Р. Лемкина) – физическое уничтожение целых народов; 2) «этноцид» (термин Р. Жолена и П. Кластра) – не-физическое уничтожение обществ путем фальсификации их культуры и разрушения их институциональной структуры; 3) «лингвоцид» (термин К. Ажежа) – важнейшая часть этноцида, т.е. «комплекс мер административно-политического принуждения, направленных на искоренение языка в районах его традиционного употребления, в результате которых носители языка не уничтожаются физически, а подвергаются ассимиляции в языковой сфере» [Марусенко, 2015, с. 343].

Понятие государственного лингвоцида связано с концепцией «одно государство – один язык» [Марусенко, 2015, с. 95], согласно которой язык является мощным средством духовного и политического объединения людей, проживающих на одной территории. Поэтому *«любой язык, кроме государственного, если он использо-*

вался его гражданами *до, вместо или более эффективно*, чем государственный, представляет *опасность* для государства. Подданные, владеющие другим языком, могут недостаточно искренне участвовать в *формировании культа* этого государства или, наоборот, испытывать чувство принадлежности, хотя бы культурной, к *другому сообществу*. И не дай Бог, если *этот* язык является государственным языком *другого* государства» [Марусенко, 2015, с. 344].

В таком же значении используется термин «лингвицизм», введенный британским лингвистом Р. Филлипсоном [Phillipson, 1992, p. 15] – цит. по: [Марусенко, 2015, с. 357].

Лингвоцид реализуется путем применения следующих методов:

1) запретов, преследований, наказаний; так, например, в турецком парламенте и на турецком телевидении запрещены политические выступления на курдском языке, хотя в Турции принят закон, позволяющий говорить на курдском;

2) обязательное обучение на государственном языке в государственных школах; в таком случае в первом поколении формируется популяция билингвов, а во втором – моноязычная популяция, не знающая языка своих предков; этот метод очень эффективен, так как он созвучен требованиям глобализирующегося мира: если в стране есть выбор между несколькими вариантами организации образовательного процесса в школе, то нередко выбор делается в пользу образования на государственном языке (в Индии были случаи протестов местного населения против образования на этническом языке);

3) целенаправленное понижение имиджа этнического языка в глазах его носителей, которых убеждают, что их язык не достоин называться языком, что он даже не диалект, а патуа – просторечная манера говорить и как таковой не может считаться явлением культуры. В результате носители местного языка начинают его стыдиться и переходят на государственный язык, гордясь своей способностью это сделать.

Политика государственного лингвоцида проводится чаще всего в постколониальных странах, обеспечивая господство бывшего колониального языка, а также в регионах, где активно усиливает свои позиции один из суперцентральных языков. Примером такого развития событий является судьба языка амазиг, т.е. языка берберов в Северной Африке (в Магрибе к западу от Египта) – этот язык находится в стадии окончательного исчезновения в результате проведения панарабистской политики, направленной на арабизацию Среднего Востока.

Порождением лингвоцида является языковой империализм, который, в свою очередь, является составной частью культурного империализма. Термин «языковой империализм» принадлежит также Р. Филлипсону, теория которого строится на следующих постулатах: 1) все языки не равны между собой: существуют варварские языки (отставшие от цивилизации) и передовые языки (цивилизованные); 2) мысли могут быть более успешно выражены на самом распространенном и совершенном языке, чем на родном, ограниченном и в географическом отношении, и в плане своих языковых ресурсов (например, в отношении научно-технической терминологии); 3) носители «варварских» языков часто добровольно отказываются от них.

Языковой империализм не является феноменом наших дней, о чем свидетельствует, например, история латыни или распространение арабского языка в Средние века в Средиземноморье. Задача языкового империализма состоит не только в территориальном завоевании, но и в ассимиляции местного населения через его моральное подчинение религиозным и культурным нормам доминирующего языка. Различаются два типа языкового империализма: 1) внутренний, например в США, воздействию которого подверглись коренные жители Северной Америки (например, индейцы, эскимосы, алеуты) и население территорий, аннексированных или приобретенных США (например Луизианы, Новой Мексики, Техаса, Калифорнии); 2) внешний, например американский или японский; последний относится к эпохе Мэйдзи (1868–1912), когда император Мицухито и его двор переехали в г. Эдо (позднее переименованный в Токио) и власти стали заниматься строительством национального языка *koguko* на базе токийского диалекта. Затем этот язык был внедрен на всей территории Японии [Марусенко, 2015].

Следует отметить, что приверженцы экологической парадигмы в лингвистике выступают против идеологии «одно государство – один язык» и против восходящих к ней теорий и практик лингвоцида и языкового империализма.

4. Жизнеспособность языка

Выполнены детальные исследования факторов жизнеспособности языка как «способности к постоянным языковым инновациям, которая проявляется в реакциях на внешние воздействия, возникающие при контактах с другими языками (как мажоритарными, так

и миноритарными) [Марусенко, 2015, с. 110]. Специалисты различают два вида жизнеспособности языка: 1) лингвистическую способность к адаптации и развитию лексико-семантической и грамматической систем; 2) социолингвистическую – волю языкового сообщества передавать свой язык или вариант языка следующим поколениям, а вместе с ним и свои знания, когнитивные, нормативные и этические ценности [Марусенко, 2015, с. 110]. Подчеркивается важность именно второго вида жизнеспособности языка.

ЮНЕСКО разработало список из девяти основных параметров, по которым можно оценить степень жизнеспособности миноритарного языка или степень угрозы его существованию. Список приведен в вышеназванной монографии М. А. Марусенко: «1. Трансгенерационная (от поколения к поколению) передача языка. 2. Абсолютное число носителей языка. 3. Процент носителей языка в общей численности населения. 4. Изменение сфер использования языка. 5. Реакция на новые сферы использования и СМИ. 6. Доступность материалов для обучения языку и грамотности. 7. Отношение правительства и институтов к языку, включая его официальный статус и применение. 8. Отношение членов сообществ к родному языку. 9. Тип и качество документации» [Марусенко, 2015, с. 114].

Однако в условиях глобализации в мировой лингвосфере однозначно лидирует английский язык: по данным Федерального центра политического образования ФРГ (Bundeszentrale für politische Bildung), число англоговорящих, т.е. носителей английского языка и лиц, чьим языком вторичной социализации был английский, на котором они говорят и в быту, не переходя на свой родной язык, составляет сегодня более 940 млн человек (данные от 3 апреля 2017 г.) [Weltsprache]. В этой ситуации тревогу вызывает будущее суперцентральных языков [Swaan, 2001], т.е. международных государственных языков, на каждом из которых говорят не менее 100 млн человек, – французского, немецкого, русского, арабского и др. По данным статистики, эти языки могут быть сведены до уровня центральных, используемых носителями периферийных языков для общения с соседями в своих географических районах. Так, например, каталонцы все больше склоняются к использованию каталанского языка (периферийного) в Каталонии, а для общения с внешним миром – английского, т.е. обходясь без испанского (суперцентрального) языка. (См. также о проблемах с коммуникативным статусом суперцентрального немецкого языка [Трошина, 2015]). Отвечая на вопрос о факторах выживания суперцентральных языков, французский исследователь К. Ажеж [Hägege, 2000]

подчеркивает следующие обстоятельства, способствующие сохранению этих языков: 1) старинное происхождение и, соответственно, большой культурный потенциал этих языков, зафиксированный в многочисленных памятниках искусства и литературы; 2) более раннее формирование национальной идентичности у носителей этих языков. В результате суперцентральные языки устойчивы в плане воздействия на них английского языка.

5. Возрождение языков: «За» и «Против»

В дискуссии об исчезновении / смерти языков неизменно встает вопрос о возможности возрождения (ревитализации, восстановления, англ. language revitalization, language revival) исчезающих языков. Не случайно сторонники возрождения языков выпустили «Зеленую книгу возрождения языков на практике» [The Green book, 2001].

Учитывая различные точки зрения исследователей и, соответственно, различные аспекты в данной проблеме, отметим и существенные различия в трактовке возрождения языка как комплексного лингвистического и социального феномена. Л. Хасс дал определение возрождения языка, с которой согласилось большинство исследователей: возрождение языка – это «процесс придания новой жизни и силы языку, использование которого медленно убывало. Оно может рассматриваться как процесс, обратный смене языка, или как позитивная смена языка и означает восстановление использования исчезающего языка его носителями» [Huss, 2008] – цит. по: [Марусенко, 2015, с. 283]. Как критически замечает М. А. Марусенко, в этом определении недостаточно отражена позиция и роль носителей возрождаемого языка. Исследования по этим важнейшим вопросам относятся к междисциплинарной сфере, сочетающей методы социолингвистики, истории и лингвистической антропологии. В этих исследованиях носители языка рассматриваются как действующие субъекты, сохранившие свои традиции и образ жизни. Их мотивации и поведение обязательно должны учитываться в мероприятиях по возрождению языков. Исходными в этой области являются исследования американского антрополога Энтони Ф. С. Уоллеса – автора статьи «Движения за возрождение языков» [Wallace, 1956], сосредоточившего внимание на возрождении культур американских индейцев, но не на их языках. За это его критиковал американский социолог и лингвист Джошуа А. Фишман, который

ввел в научный обиход термин «обратная смена языка» (reversing language shift) [Fishman, 1991]. Дж. А. Фишман считал, что теоретических исследований недостаточно, так как носители исчезающих языков нуждаются в срочной практической помощи. Именно из интересов языкового сообщества надо исходить, прилагая усилия по возрождению языков, так как этот процесс является прежде всего социальным явлением. В связи с этим, считает М. А. Марусенко, движение за возрождение языков должно ориентироваться на следующие три параметра: «*временной, социальный и территориальный*, причем третий из них является *основным*, потому что *территория* позволяет движению возрождения воплотиться в физическую реальность» [Марусенко, 2015, с. 286].

Единственным примером полного возрождения исчезнувшего языка является иврит, что произошло в результате реализации сложного комплекса политических и социальных мер и коллективной воли людей, раньше говоривших на разных языках. Альтернативой ивриту был идиш, но он «не мог соперничать с ивритом по глубине и связи с территорией» [Марусенко, 2015, с. 337].

Встает вопрос: каждый ли исчезающий язык надо спасать? Этот вопрос, который связан с социальными причинами болезни языков, социолингвисты – сторонники охраны языков – задают себе далеко не всегда, сосредоточиваясь на собственно лингвистических аспектах этой ситуации. Между тем очень важно учитывать при решении этого вопроса влияние глобализации на отношение носителей исчезающего языка к их родному языку. Поэтому полностью оправдана точка зрения М. А. Марусенко: «Даже если обратная смена языка может быть реализована и общество может снова обеспечить передачу родного языка между поколениями, этого недостаточно для поддержки языка в глобализованном мире. Нет никакой гарантии, что молодое поколение продолжит использовать этот язык в коммуникативной и инструментальной функциях, которые должны обеспечивать им лучшие возможности. Возможно, обратная смена приведет к билингвизму: владение двумя языками может дать лучшие возможности, но язык продолжит оставаться слабым и со временем все равно исчезнет. Проблема в том, что неспособность языка удовлетворять функциональные запросы носителей как причина их отказа от него никуда не исчезает» [Марусенко, 2015, с. 261].

Аналогичной точки зрения придерживается и Н. Б. Мечковская: «В конечном счете судьба языка зависит не от того, вокалический он или консонантный, аналитический или синтетический,

агглютинативный или фузионный, но от коммуникативного ранга языка, от полноты его социальных функций в коллективе исконных носителей, что, в свою очередь, зависит от геополитического настоящего и прошлого той языковой ситуации, в которую входит данный язык» [Мечковская, 2009, с. 100].

Что не подвергается сомнению, так это необходимость фиксации исчезающих этнических языков на различных носителях в письменной или устной форме, чтобы таким образом сохранить их системы. Сохранение языковой информации не обеспечит сохранения культуры, но послужит эмпирической основой для дальнейших лингвистических исследований [Agwuele].

В связи с тем, что полемика о необходимости vs целесообразности сохранения исчезающих языков достигает чрезвычайно высокого эмоционального накала, М. А. Марусенко предлагает заменить эмоционально заряженный эколингвистический термин «смерть языков» термином «отказ от языка» как на нейтральный и при этом более адекватный социолингвистической ситуации.

6. Языковые права человека

Языковые права человека (личности) означают «отсутствие ограничений прав и свобод личности, родной язык которой не является языком большинства членов общества» [Язык и общество: Энциклопедия, 2016, с. 855]. В эпоху глобализации стала все более очевидной необходимость создания правовых условий для гарантий языковых прав человека, принадлежащего к миноритарной языковой группе, для защиты миноритарных меньшинств как особых социокультурных групп, что, однако, не должно создавать проблем для носителей мажоритарных языков.

В Европе в 90-х годах XX в. оформились два главных международно-правовых документа в этой сфере: Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств [Европейская хартия] и Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств [Рамочная конвенция]. Инициатива в их разработке и принятии принадлежит Совету Европы – старейшей общеевропейской международной организации, созданной в 1949 г. [Кожемяков, 2015, с. 34]. Как подчеркивает А. С. Кожемяков, «Хартия, бесспорно, является единственным профильным, специализированным и наиболее детально проработанным международно-правовым договором по этой тематике» [Кожемяков, 2015, с. 34]. Автор называет

следующие особенности этой Хартии: 1) она занимается традиционно используемыми языками, но не языками мигрантов; 2) существует «система выбора по меню»: в отношении отдельных миноритарных языков государство может выбирать меры по их поддержке в зависимости от конкретной языковой ситуации в данном регионе; 3) один раз в три года проводится мониторинг выполненных обязательств, взятых страной на себя; 4) к Хартии может присоединиться любая страна после предварительного рассмотрения обращения этой страны Комитетом министров Совета Европы и его положительного заключения.

В июне 1995 г. в Барселоне состоялась Всемирная конференция по языковым правам человека, где была принята «Всеобщая декларация языковых прав», известная как Барселонская декларация [Барселонская декларация]. Документ был подписан и направлен в ЮНЕСКО, был морально поддержан ею, но не одобрен.

Эта Декларация была воспринята в мире неоднозначно и неоднократно подвергалась критике. Одной из претензий к Декларации было то, что она признает все языки равными, в силу чего отвергает такие устоявшиеся термины, как «официальный язык», «региональный язык», «языки меньшинств», и решительно выступает за полное использование языков всех исторических общин. Критику вызвал также тезис о том, что в Декларации предоставляется больше прав «языковым сообществам». Отмечается, что те, кто не подпадает под категорию «языковых сообществ» (понятие, эквивалентное «национальным территориальным меньшинствам») должны будут «ассимилироваться», поскольку право на образование не обязательно означает право на образование на своем родном языке.

К вопросу о языковых правах вернулся международный ПЕН-клуб, который в мае 2011 г. опубликовал в ознаменование 15-й годовщины Барселонской декларации Жиронский манифест, т.е. обновленную версию Декларации. В этом манифесте были в сжатой форме сформулированы основные положения Всеобщей декларации языковых прав:

1. Языковое разнообразие – это всемирное наследие, которое нужно ценить и защищать.

2. Уважение ко всем языкам и культурам имеет основополагающее значение для процесса построения и поддержания диалога и мира во всем мире.

3. Все люди учатся говорить в сердце сообщества, которое дает им жизнь, язык, культуру и самобытность.

4. Разные языки и разные способы речи являются не только средством общения; они также являются средой, в которой растут люди и строятся культуры.

5. Каждое языковое сообщество имеет право на использование своего языка в качестве официального языка на своей территории.

6. Школьное обучение должно способствовать повышению престижа языка, на котором говорит языковое сообщество территории.

7. Желательно, чтобы граждане имели общие знания различных языков, поскольку это способствует эмпатии и интеллектуальной открытости и способствует более глубокому знанию собственного языка.

8. Перевод текстов, особенно великих произведений разных культур, представляет собой очень важный элемент в необходимом процессе более глубокого понимания и уважения среди людей.

9. Средства массовой информации являются привилегированным ретранслятором для обеспечения лингвистического разнообразия и для грамотного и неуклонного повышения его престижа.

10. Право на использование и защиту своего языка должно быть признано Организацией Объединенных Наций в качестве одного из основных прав человека [Всеобщая декларация языковых прав].

Практическая реализация принципов, заявляемых в международных юридических документах, – задача языковой политики, в которой сегодня представлены два подхода, учитывающих два фактора: 1) распространения английского языка и, следовательно, моновычного подхода к процессам глобализации; 2) популярности экологической парадигмы, в рамках которой рассматривается существование языка и, следовательно, которая нацелена на поддержание языкового разнообразия в мире. Первый подход ориентирован на транснационализацию, гомогенизацию мировой культуры и моновычие; второй – характеризуется борьбой за права человека, за равенство языков и их носителей в процессе коммуникации, за многоязычие. Защитником второго подхода является, например, японский лингвист Юкио Тсуда, видящий в доминировании английского языка аналог лингвоциду и, следовательно, опасность для мировой культуры [Tsuda, 1994] – цит. по: [Марусенко, 2019, с. 82–83].

По этой проблеме существует и прямо противоположная точка зрения, согласно которой «лозунг *‘чем больше языков, тем лучше’* на самом деле провоцирует нарушение языкового равновесия: чем сильнее будет конкуренция между языками, тем больше будет распространяться английский. В этом всеобщем смешении

языков, при котором ни один автохтонный язык не сможет стать доминирующим, английский автоматически становится *единственным* языком международной коммуникации, как это уже произошло в Европейском союзе, Индии, Южной Африке, Нигерии и т.д. Гегемония английского языка укрепляется благодаря внедрению *мультилингвизма* усилиями, например, Европейской комиссии» [Марусенко, 2015, с. 152–153].

Аналогичным заблуждением считает М. А. Марусенко и предполагаемую потерю культурного разнообразия при сокращении числа языков и поддерживает британского лингвиста П. Лэйдфогда, который утверждает: «Смерть одних языков сопровождается *рождением других*. Широко распространенное мнение, что мир становится более однородным в культурном отношении, основано на том, что мы не научились различать новые *варианты*. Если сравнить две языковые группы – *бушменов* и *зулусов*, которые говорят на языках, принадлежащих к разным подгруппам *койсанской языковой семьи*, но в остальном очень похожи друг на друга, – вряд ли разница между их культурами окажется большей, чем, например, разница между *ангloyзычными* культурами *шахтеров* в Аппалачских горах, *фермеров* в штате Айова и *адвокатов* в Беверли-Хиллз» [Ladefoged, 1992, p. 810] – цит. по: [Марусенко, 2015, с. 148].

В контексте дискуссий о языковых правах человека существенно уточнение, что человек имеет право именно на материнский язык, но не на язык вообще. Это уточнение важно, так как оно должно предупредить проявления языкового империализма, при котором носители миноритарных языков вынуждены отказываться от своих языков в пользу доминирующего языка. Но материнский язык лишь отчасти определяет членство человека в сообществе: чаще всего оно определяется «*по этноязыковым основаниям*, поэтому парадигма защиты прав человека рассматривает язык как *групповое*, а не *индивидуальное* качество. Считается, что такой подход дает некие преимущества, потому что языковые проблемы *отдельной* миноритарной группы могут решаться в *отдельном* порядке» [Марусенко, 2019, с. 147]. При этом носители всех языков в данном конкретном государстве должны иметь определенный уровень языковых компетенций в общегосударственном языке, т.е. поддержка прав миноритарных языков не предполагает замену ими мажоритарного языка и не должна наносить ущерб интересам других языков.

Сохраняет свою актуальность концепция американского социолингвиста Г. Клосса о различении языковых прав, ориентиро-

ванных на толерантность, и языковых прав, ориентированных на развитие [Kloss, 1998]. Первая группа прав гарантирует сохранение языка в негосударственной сфере (в семье, в национальных культурных и социальных органах, в частных школах) без риска для членов миноритарных языковых групп подвергнуться языковой и культурной дискриминации. Эта гуманная идея, однако, трудно реализуема на практике и даже приводит к языковым конфликтам. Яркий пример языкового конфликта приводит В. Ю. Михальченко – развитие языковой ситуации в современной Украине.

«Длительное, длившееся десятилетиями игнорирование языковых прав русскоязычного населения юга и востока Украины в совокупности с другими переменными экономическими и политическими проблемам привело к противостоянию власти с указанными регионами, в том числе к сепаратистским настроениям части населения. В этом противостоянии значительное место занимает языковой вопрос – придание русскому языку статуса государственного (или официального), признание языковых прав других компактно проживающих языковых общностей. Модель однокомпонентного закона о языках, признающего языковые права только украинской языковой общности и игнорирующего языковые права другой многочисленной языковой общности, не могла привести к другим результатам, кроме языкового конфликта, который вписался в исторически сложное время в контекст множества других, экстралингвистических факторов» [Михальченко, 2014, с. 213].

Конфликтогенна также ситуация в, казалось бы, спокойной Словении, где 12% населения состоит из меньшинств – сербов, хорватов, итальянцев и венгров. Притом, что сербы и хорваты более многочисленны (из-за большего числа беженцев), чем итальянцы и венгры, языки сербов и хорватов не считаются языками меньшинств, в то время как на территориях, населенных итальянцами и венграми, итальянский и венгерский являются официальными языками» [Джорджевич].

Языковые права, ориентированные на развитие, определяют границы, в которых права меньшинств признаются государством в общей / государственной сфере. Эти права могут трактоваться ограничительно (на языках меньшинств публикуются государственные документы) и расширительно (миноритарным языковым сообществам разрешается выражать свои интересы через собственные государственные органы самоуправления, за национальными меньшинствами признается право на образование на их языке). Этот вид языковых прав применим к национальным меньшинствам, историче-

ски проживающим на данной территории (например, к баскам и каталонцам в Испании), к этническим меньшинствам-эмигрантам и к беженцам. В этих случаях языковые права предоставляются на основе принципа англосаксонского права *where numbers warrant* («где цифры оправдывают»). Таким образом, в регионах с достаточным числом носителей не-мажоритарного языка носители могут использовать свой язык как часть индивидуальных гражданских прав.

Проблема языковых прав человека многоаспектна и поэтому сложна. Неудивительно, что она вызывает многочисленные вопросы и дискуссии, в том числе и о практическом результате предоставления равных прав всем языкам, в том числе и миноритарным. Напомним, что именно на этом требовании основаны юридические документы по защите языковых прав; из этого же требования исходит и эколингвистическая трактовка человеческого языка как развивающегося организма, нуждающегося в заботе о его окружающей среде.

Однако в специальной литературе представлено и обосновано и другое мнение по этому вопросу. Так, например, М. А. Марусенко критически относится к использованию экологической метафоры в лингвистике и в поддержку своего мнения цитирует Д. Кибби: «Если два языка находятся в контакте, они *влияют* друг на друга и *создают* новый язык. Если же собака живет в одном доме с птицей, у нее не вырастут крылья, а у птицы не вырастут лапы» [Kibbee, 2003, p. 51] – цит. по: [Марусенко, 2019, с. 90]. М. А. Марусенко формулирует следующее важное теоретическое положение: «Принципиальная разница между языками и биологическими видами заключается в следующем: для сохранения *вида* достаточно не нарушать *среду его обитания*, тогда как языки могут использоваться в радикально изменившихся условиях, если нужно, против воли своих носителей [Марусенко, 2015, с. 149].

В использовании биоэволюционной метафоры М. А. Марусенко усматривает две опасности: 1) парадоксально, но она способствует безразличному отношению к исчезновению языков, так как укрепляет точку зрения, согласно которой смерть языка является неизбежной стадией цикла социальной и языковой эволюции; 2) лингвоэкологическая концепция «игнорирует не только воздействие исторических, социальных и политических факторов на язык, но и тип связей между ними [Марусенко, 2019, с. 91]. Имеется в виду взаимодействие сторонников экологический лингвистики и движения «зеленых»: «‘зеленые’ помогают лингвистическим экологам осознать себя как полити-

ческое движение, а те помогают ‘зеленым’ продемонстрировать связь с культурными проблемами» [Марусенко, 2019, с. 91].

Заблуждением является и идея, что предоставление равных прав всем языкам способно решить проблемы их выживания: для этого необходимо не только, чтобы носители миноритарных и мажоритарных языков были равны в гражданских правах, а также в экономическом и социальном отношениях, но и имели равный доступ к приобретению востребованных специальных языковых компетенций, прежде всего к овладению письменным литературным вариантом мажоритарного языка. Поэтому для обеспечения языковых прав человека большое внимание уделяется обучению языкам, знание которых составляет языковой капитал человека. Учитывая, что в соответствии с политическими, экономическими и культурными целями глобализации основным преподаваемым языком стал английский, Р. Кубота называет четыре основных положения, на которых сегодня основано обучение английскому языку: 1) иностранный язык – это английский; 2) моделью для изучения английского языка являются стандартные американский и британский варианты; 3) изучение английского языка ведет к международному и межкультурному взаимопониманию; 4) через изучение английского языка воспитывается национальная идентичность [Kubota, 2002, p. 16–19] – цит. по: [Марусенко, 2015, с. 442]. Если с первыми тремя положениями можно согласиться, то последнее вызывает вопросы: как может сближение с другим языком и другой лингвокультурой усиливать чувство национальной идентичности и как преподавание английского языка в многоязычной стране может поддерживать языковое разнообразие в ней? Изучение иностранного языка действительно обостряет чувство родного языка (вспомним выражение, приписываемое И. В. Гёте: «Кто не знает ни одного иностранного языка, не знает ничего и о своем родном»), но едва ли оно способствует языковому разнообразию.

Распространение обучения именно английскому языку (или, в лучшем случае, одному из суперцентральных) основано на стереотипном мнении о ценности языка: чем более практически востребован язык, тем он ценнее и наоборот. Этому распространенному мнению не соответствуют результаты исследовательского проекта «Глобализация и языковые компетенции» («Globalization and linguistic competences»), выполненном в Европейском центре современных языков (Грац, Австрия) – постоянно действующего института Совета Европы. Выяснилось, что хотя сегодня незнание английского языка воспринимается как существенный минус при

приеме на работу, на деле оказывается несущественным, будет ли выполнение служебных обязанностей действительно связано со знанием английского языка [Die Bedeutung der Sprache, 2010].

Проблема практического соотношения мажоритарного и миноритарных языков может быть решена путем развития би- и мультилингвизма, что особенно важно для стран с большим количеством иммигрантов и для пограничных территорий. В качестве примера успешных административных усилий в этом направлении приведем постоянно действующий проект «Дойчмобиль» («Deutschmobil»), который осуществляется «Федерацией немецко-французских домов» («Föderation der deutsch-französischer Häuser»). Цель этого проекта состоит в том, чтобы изменить часто несправедливо односторонний образ Германии в глазах французских школьников, для чего производится взаимный обмен школьниками. В результате количество французских детей, занимающихся немецким как первым иностранным, выросло на 25% [Трошина, Раренко, 2005, с. 160].

В странах с большим количеством иммигрантов взаимодействие мажоритарного языка и языка приехавших вызывает массу проблем. К таким странам относится, например, Германия: немцы говорят о своей стране как о стране иммиграции («Deutschland ist zu einem Immigrationsland geworden»). Проблемы возникают для обеих сторон – и немецкой, и иммигрантской.

Самой большой иммигрантской диаспорой в Германии является турецкая: по данным Еврокомиссии, в Германии проживают 7 млн турок (с учетом второго и третьего поколений иммигрантов) [Добров, 2017]. Турецкий язык – второй по распространенности в Германии, в некоторых регионах уроки турецкого языка входят в школьную программу, правда, изучать его – это дело личного выбора учеников и их родителей [Турецкое общество в Германии]. Уже существуют школы турецкого языка в Германии.

Проблемы немцев основываются, чаще всего, на негативных гетеростереотипах о турках («турки склонны к насилию», «турки – социальные нахлебники и дармоеды»). Отмечается заметное влияние турецкого языка на немецкий, особенно в молодежных мультиэтнолектах, например в берлинском районе Кройцберг. Для значительной части немецкой молодежи мультиэтнолект стал средством самоидентификации. Существует опасность, что, усвоив этот искаженный немецкий язык, молодые люди будут говорить на нем и став взрослыми, чем изменяя сферу вербального общения в стране [Трошина, 2019, с. 337–338].

Для турок, особенно во втором и третьем поколениях иммиграции, взаимодействие немецкого и турецкого языков воспринимается через чувство своей межэтничности, т.е. принадлежности к некой промежуточной культуре. Этот феномен стал основой для формирования так называемой «новой этничности» (new ethnicity), которая базируется не на отношениях родства, общего языка, культуры и исторической памяти, а на отношении выбора из этого списка [Трошина, 2019, с. 336]. Такая ситуация складывается и в других странах, переживающих наплыв иммигрантов, например во Франции и в США.

Ожесточенные дискуссии вызывает проблема языка обучения детей – носителей миноритарных языков – на каком языке должно вестись обучение: на родном языке этих детей, т.е. на миноритарном, или на мажоритарном, с которым дети неминуемо будут иметь дело, повзрослев? Нередко против обучения на миноритарном языке выступают родители, понимая, что невладение мажоритарным языком блокирует детям успешную карьеру в будущем. Между тем в среде специалистов утвердилась точка зрения, согласно которой определяющая роль в развитии интеллектуальных способностей ребенка на начальном этапе его обучения принадлежит родному языку [Сегленмей, 2016]. Подтверждение этому находим в книге великого педагога Я. А. Коменского «Антология гуманной педагогики»: «Любое обучение целесообразно начинать на материнском языке» [Коменский, 1996, с. 67]. Подключение второго языка рекомендуется проводить постепенно, когда интеллектуальные способности и языковые навыки ребенка сформируются [Богус, 2010].

В завершение этого раздела обзора по проблемам макроэколингвистики необходимо коснуться проблемы о соотношении эколингвистики и языковой политики, поскольку это связано с языковыми правами человека. Подчеркнем, что подробное освещение этой проблемы требует детального обзора специальной литературы, в том числе и по языковому строительству, что не входит в задачи настоящего обзора.

Специалисты различают две парадигмы в плане решения вопросов языковой политики: этнокультурную и национально-функциональную.

Этнокультурная парадигма строится на сочетании различных маркеров идентичности этнических миноритарных групп. Эти маркеры подразделяются на объективные (например, культурные и языковые практики; наследие предков, т.е. ощущение непрерывно-

сти связи поколений) и субъективные (например, вера в общую судьбу, приверженность символам, самоощущаемые характеристики этничности). Язык является важным, но не единственным маркером этничности. «Более важными являются *самоидентификация* и желание сохранить *особую идентичность*, противопоставляемую идентичности мажоритарного сообщества... Даже если группа потеряла свой язык, она должна признаваться *этническим меньшинством* и иметь право на защиту своих культурных и языковых прав... Для ощущения принадлежности к этнической группе важно самосознание ее членов, противопоставляемое ее восприятию посторонними» [Марусенко, 2019, с. 163–164; Jenkins, 1997].

Согласно национально-функциональной парадигме, разработанной Дж. Фишманом [Fishman, 1972], решения в пользу языка общения, в том числе и английского, «принимаются национальными акторами, находящимися в национальной среде, которая обусловлена специфическим сочетанием социальных, культурных, политических, экономических и демографических факторов» [Марусенко, 2019, с. 174]. Предполагается, что такие решения принимаются национальными акторами, которые свободны в принятии своих решений, не учитывая международного контекста и факта широкого распространения английского языка, т.е. как если бы распространение английского языка было результатом решений, принимаемых в неанглоязычном мире. Противоположная точка зрения представлена Р. Филлипсоном [Phillipson, 1992] (см. выше), который утверждает, что распространение английского языка является результатом политики языкового империализма, проводимой США и Великобританией, а соответствующие решения принимаются именно в англоязычном мире.

В контексте национально-функциональной парадигмы, ориентированной на участие страны и ее жителей в международной коммуникации, науке и торговле происходит смена алфавитов с кириллицы на латиницу (в Узбекистане в 2002 г. и в Казахстане – к 2025 г.).

Национально-функциональная парадигма в языковой политике предпочтительна, так как она основана на трактовке языка как «инструмента развития, обеспечивающего подъем благосостояния граждан и рост языкового капитала – неотъемлемой части их человеческого капитала» [Марусенко, 2018, с. 177].

V. МИКРОЭКОЛИНГВИСТИКА

Как уже неоднократно упоминалось выше, экологический подход к языку и, соответственно, лингвоэкологическая парадигма связаны с трактовкой языка как живого организма, который не только взаимодействует с внешней средой, но и переживает под ее воздействием внутренние изменения, т.е. изменения в своем состоянии, в связи с чем использование языка может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на речевую коммуникацию, а через нее и на языковую ситуацию.

Проблемы внутреннего состояния языка, как и изменения в речевом поведении участников общения изучает микроэколингвистика и, прежде всего, ее раздел, который в специальной литературе получил название эмотивной лингвоэкологии. Это направление языкознания выделяет «болевы́е точки» [Брусенская, Куликова, 2018, с. 23] в языке и в коммуникативном укладе жизни коммуникативного сообщества. Коммуникативный уклад определяется соотношением коммуникативных сил, действующих через основные каналы информации – радио, телевидение, печатную прессу и, особенно, через Интернет [Мечковская, 2009, с. 516]. Коммуникативный уклад является механизмом реализации культурной парадигмы общества, т.е. культурного кода, определяющего мировоззрение, мышление и поведение (в том числе и речевое) людей [Бакач, 1998, с. 11]. Инновации в культурной парадигме изменяют стилевую систему культуры как «совокупности лингвопрагматических требований, предъявляемых в данном лингвокультурном сообществе к коммуникации в разных сферах» [Трошина, 2017а, с. 202]. Наиболее четкие требования, соответствующие устоявшимся культурным стандартам, предъявляются к коммуникации в публичной сфере. Однако в условиях масштабных геополитических трансформаций, затрагивающих и данную сферу, эти требования пересматриваются. Изменения проникают и в культурную парадигму, определяющие общую, а не только лингвокультурную, стилевую систему общества.

1. Эмотивная лингвоэкология

Это направление основывается: 1) на общих положениях лингвокультурологии, в которой наиболее ярко проявился «культурный поворот» в социогуманитарном знании, в результате чего общепризнанными стали понятия «языковленность культуры» (*Sprachlichkeit*

von Kultur) и «культурообусловленность языка» (Kulturalität von Sprache) [Linke, 2008, S. 24]; 2) на методологических принципах лингвистической теории эмоций [Шаховский, 2008], заявляющей о «необходимости учета влияния эмоционального слова на здоровье человека посредством установления взаимозависимости между лингвоэкологией и валеологией» [Панченко, 2013, с. 374; Панченко, Штеба, 2013, с. 5], т.е. наукой о здоровье человека. Взаимосвязь лингвистики эмоций и эмотивной лингвоэкологии уточняет Н. Г. Солодовникова: «Ситуации формируют эмоции, которые влияют на выбор реализующих их семиотических знаков, и наоборот. Экологичности коммуникации способствует баланс позитивно- и негативно-оценочных эмотивов» [Солодовникова, 2013, с. 46].

Становление эмотивной лингвоэкологии является ответом на явное усиление эмоциональности и агрессивности общения во всех сферах жизни – от бытовой до официальной и профессиональной (ср. концепцию Д. Болинжера – см. выше). «Порой сиюминутные эмоции общающихся порождают неуместные аффективы: *На хрен! Зараза! Да это жопа вообще! Да хрен его знает!* Подобные эмотивы можно рассматривать в качестве маркеров неэкологичной коммуникации, поскольку он не только загрязняют, засоряют нашу речь и обедняют культуру человеческого общения, но и способны отрицательно влиять на здоровье коммуниканта и наблюдателей коммуникативной ситуации» [Цой, 2013, с. 289].

Сегодня наиболее ощущаемой «болевой точкой» русскоязычных речевых практик является «снижение стилового регистра» [Карасик, 2010, с. 113]: напыщенный официальный стиль стал психологически неприемлемым, но вместо него ничего подходящего создано не было. В целом произошло обеднение русской культуры, что многими членами русскоязычного культурного сообщества соотносится с социальными изменениями в обществе: все более допустимыми и даже популярными считаются сниженные стилиевые регистры общения, в связи с чем усиливается тенденция к «снижению коммуникативной компетенции граждан – владению ими необходимыми речевыми ресурсами (от языковых единиц до речевых жанров)» [Карасик, 2010, с. 111–112].

Исследуя проблему такой вербальной динамики, лингвисты обращаются к понятию социально-функциональной стратификации языка, которая выстраивается, прежде всего, на основе учета принадлежности участников коммуникации к малым социальным группам, члены которых «объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном личном контакте, что является основой для

возникновения как эмоциональных отношений в группе... так и особых групповых ценностей и норм поведения» [Язык и общество, 2016, с. 433]. Роль малых социальных групп в коммуникативном пространстве российского лингвокультурного сообщества в настоящее время существенно выросла. Сегодня их и, соответственно, их субкультуры образуют люди определенных профессий (например, юристы, врачи, специалисты в области компьютерных технологий и т.д.), интересов (спортивные фанаты, фанаты различных музыкальных групп), люди, принадлежащие к различным национальным и сексуальным меньшинствам, а также асоциальные элементы. Если в течение предшествующего длительного периода вербальные ориентиры определяла речевая практика образованных социальных слоев общества, то сегодня стилевым ориентиром нередко является речь именно низших социальных слоев и, что самое печальное, эта тенденция обнаруживается в публичной речи известных политических деятелей, задавая стилистический вектор коммуникации для всего общества (ср. замечание Л. А. Брусенской и Э. Г. Куликовой: «Традиционно считалось, что нормативное более статусно. В современных коммуникативных условиях уместно уточнение: верно и обратное, т.е. более статусно – более нормативно» [Брусенская, Куликова, 2018, с. 64]. Абсолютно права О. А. Вольф, утверждая, что центральной проблемой лингвоэкологии является проблема языковой нормы [Вольф, 2016].

В целом сложившаяся ситуация в сфере русской лингвокультуры может быть квалифицирована как экологический кризис русского языка.

2. Экологический кризис русского языка

Экологические проблемы русского языка начались с засорения его штампами, клише и канцеляризмами, т.е. с того, что называют новоязом и который был призван «не расширить, а сузить горизонты мысли» [Сарнов, 2002, с. 6] (ср. высказывание И. Г. Земцова: «Советский язык не выражал мысли – он делал ее выявление невозможным» [Земцов, 2009, с. 5]. Затем под флагом демократизации общественной жизни пришло оскудение речевого общения в целом, сокращение национального словаря, засилье заимствований, прежде всего англо-американизмов, волна жаргонизмов и вульгаризмов. Вся ситуация в целом означает экологическую катастрофу русского языка, в которой важно даже не столько количество этих

«приобретений», сколько частотность их использования во всех сферах общения и падение культуры речи. Это связано с замедлением развития системы русского языка, и в результате его уже трудно назвать «великим и могучим», пишет М. Н. Эпштейн – руководитель Центра творческого развития русского языка, представитель творческой филологии разыскания¹: «Состояние русского языка по итогам XX в. вызывает тревогу. Кажется, что наряду с депопуляцией страны происходит делексикация ее языка, обеднение словарного запаса. Это бросается в глаза особенно по контрасту с динамичным развитием русского языка в XIX веке и взрывной динамикой ряда европейских и азиатских языков в XX веке... Во всех словарях русского языка советской эпохи, изданных на протяжении 70 лет, в общей сложности приводится около 125 тысяч слов. Это очень мало для развитого языка, с его великим литературным прошлым и, надо надеяться, большим будущим. Для сравнения: в Словаре В. Даля – 200 тыс. слов, в современном английском – примерно 750 тыс. слов: в третьем издании Вебстеровского (1961) – 450 тыс. слов, в полном Оксфордском (1992) – 500 тыс. слов, причем более половины слов в этих словарях не совпадают. В современном немецком языке, по разным подсчетам, от 185 до 300 тыс. слов» [Эпштейн, 2006]. Особенно тревожно то, что русский язык почти перестал рождать слова на своей собственной корневой основе, констатируют Л. А. Брусенская и Э. Г. Куликова [Брусенская, Куликова, 2018, с. 83], а немногие собственно-русские лексические инновации имеют презрительную стилистическую окраску, например «распил», «беспредел», «разборки», «наезжать». М. Н. Эпштейн определяет их как «низкородные (блатные) слова, выскочившие ‘из грязи в князи’; список не меняется годами» [Эпштейн, 2006].

На важность изменения стилистической окраски инноваций при их внедрении в лексико-семантическую систему русского языка необходимо обратить внимание и говоря о заимствовании англо-американизмов, что делают И. В. Баженова и В. А. Пищальникова в книге «Актуальные проблемы лингвистической безопасности»: слово *дилер* «посредник при купле-продаже ценных бумаг, товаров и валют» актуализирует признак престижности этого вида деятельности в отличие от слова *посредник* (ср. *эксклюзивный дилер*, но не *эксклюзивный посредник*) [Баженова, Пищальникова, 2015].

¹ В творческой филологии (практической лингвистике) автор видит «единственную филологию нашего времени, которая обеспечивает смысл существованию народа и взаимосвязь прошлого и будущего» [Эпштейн, 2006].

Проблемы экологии русского языка авторы связывают с невероятно высокими темпами его изменений, что вызвало проблемы не только в его лексическом составе, но и в дискурсивной практике. Эти изменения происходили в условиях перехода российской культуры от моностилистического типа к полистилистическому: первый тип формируется в условиях жесткой централизации политической, экономической и культурной власти и имеет поэтому прескриптивный характер, более жестко очерчивая норму вербального общения, чем второй тип культуры, который складывается в условиях значительной экономической и культурной дифференциации общества и допускает различные стилистические и дискурсивные варианты речевых практик [Ионин, 1996, с. 181–182].

3. Лингвоэкологическое право человека

Широкое распространение обсценной лексики, мата в русскоязычном вербальном общении несовместимо с комфортной коммуникацией и эмоционально травмирует окружающих, нанося этим вред их психологическому здоровью и нарушая их право на здоровую языковую среду: «Человек не должен находиться в языковой среде, ...которая способна привести к тому, что он потерпит коммуникативный ущерб», подчеркивают Л. А. Брусенская и Э. Г. Куликова в книге «Экологическая лингвистика» и предлагают термин «лингвоэкологическое право человека» [Брусенская, Куликова, 2018, с. 65], тесно связывая его с правом человека на защиту своей чести и достоинства. Н. Д. Голев использует другое обозначение для этого вида права – «лингвистическое право» [Голев, 2002] – цит. по: [Баженова, Пищальникова, 2015, с. 5]. Понятие лингвистического права не полностью совпадает с понятием языкового права, так как первое акцентирует этические и психологические аспекты речевой коммуникации, а второе – политические. Языковое право человека – это «ограничение прав и свобод личности, родной язык которой не является языком большинства членов общества» [Язык и общество: Энциклопедия, 2016, с. 855]. Лингвистическое же право должно предусматривать, помимо права на здоровую языковую среду, также: 1) номинативное право – право на участие в именовании и переименовании топонимических и других объектов; 2) право на имя; 3) право на языковую экологию (человек не должен оказываться во враждебной ему языковой среде, в которой он испытывает унижение как якобы не-

достаточно культурный и как малообразованный) [Голев, 2002] – цит. по: [Баженова, Пищальникова, 2015, с. 5].

Разработкой этих проблем должна заняться юридическая лингвистика, в качестве самой актуальной задачи которой Н. Д. Голев называет юридическую регламентацию obscene лексики. Для этого юристам нужны результаты «психолингвистического анализа воздействия obscene лексики при ее восприятии различными слоями носителей языка – от этого зависит ее квалификация в аспекте лингвистической экологии, лингвистической дискриминации и в конечном счете – сама возможность юридической регламентации obscene слов» [Голев] – цит. по: [Брусенская, Куликова, 2018, с. 67]. Эта регламентация сталкивается с немалыми трудностями, так как многие носители русского языка считают, что использование obscene слов (инвективная функция obscene лексики) предотвращает физическую агрессию. Другая проблема состоит в том, что нет четких критериев безусловно оскорбительного речевого поведения – того, что является безусловно оскорбительным, а что зависит от конкретной коммуникативной ситуации.

Публичное сквернословие относится к вербальным преступлениям, т.е. «общественно опасным деяниям, запрещенным УК РФ под угрозой наказания и направленным на причинение вреда личности, обществу или государству посредством речевой деятельности» [Баженова, Пищальникова, 2015, с. 24].

Отвечая на вопрос, как справиться с распространением инвективной (obscene) лексики, сквернословия, И. А. Стернин предлагает принцип «надо не запрещать, а разрешать и ограничивать» [Стернин, 2011], т.е. объяснять, как следует пользоваться инвективной лексикой: «Реальную победу над сквернословием мы сможем отпраздновать тогда, когда исчезнет публичное сквернословие, т.е. сквернословие в общественных местах, при свидетелях... В узких же коммуникативных сферах, в специфических узких сообществах людей сквернословие всегда будет сохраняться» [Стернин, 2011].

Автор предлагает следующие меры для решения этой проблемы: 1) развивать речь детей – развивать речевые механизмы нормативной связной устной речи; 2) объяснять детям, что сквернословие недопустимо именно в общественных местах; 3) придумывать «свои» ругательства вместо общеизвестных obscene слов; 4) заменять obscene термины жаргонизмами. Особенно важным И. А. Стернин считает изгнать obscene выражения из языка массмедиа.

VI. КРИТИКА ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА

Подход к языку как к организму, рождающемуся, развивающемуся, существующему в окружающей его среде, изменяющемуся во взаимодействии с ней и – при неблагоприятной внешней среде – умирающему, имеет как сторонников, так и противников.

В настоящем разделе обзора остановимся на критике эколингвистической концепции языка, так как сильные ее стороны были проанализированы выше (разделы I–V).

Хотя экологическая метафора успешно используется сегодня как идеологическое обоснование языковой политики, направленной на развитие многоязычия, в специальной литературе есть возражения против самих биоморфных метафор «выживание языка», «смерть языка», «лингвоцид», потому что противники экологической концепции считают неправомерным само уподобление языка живому организму: «такие метафоры представляют собой семантические ловушки, и эти ловушки влекут за собой политические последствия», подчеркивает М. А. Марусенко [Марусенко, 2019, с. 94]. Эту точку зрения разделяет и американский лингвист, член Американского философского общества Джеймс Кроуфорд, указывающий на то, что, «в отличие от биологических видов, языки не имеют генов, и, таким образом, они не подвержены механизму естественного отбора. Их перспективы на выживание зависят не от их внутренних свойств или от их способностей к адаптации, а только от социальных сил». Ср. мнение Н. Б. Мечковской: «В судьбах языков социальные факторы приоритетны. Структура языков может измениться под воздействием социальных и социолингвистических причин. Но изменения в структуре языка (в фонологии, грамматике, лексике, стилистике) не могут привести к социолингвистическим изменениям в языке (например, в двуязычном социуме в условиях конкуренции языков повлиять на исход конкуренции или поднять престиж некоторого языка в международном сообществе)» [Мечковская, 2009, с. 100]. Такими социальными силами являются носители языков, если они перестают пользоваться своим материнским языком, т.е. если они отказываются от него, то язык погибает. Кенийскому лингвисту Саликоко С. Муфвене принадлежит следующее емкое и точное высказывание: «Языки не убивают языки: это делают говорящие» [Salikoko S. Mufwene].

Вторым аргументом против использования экологической метафоры применительно к языку является то, что темпы эволюции

биологических видов и языков очень различны: в ближайшие 100 лет вымрут 2% биологических видов, но 50% сегодняшних языков, пишет датская исследовательница Т. Скутнабб-Кангаз [Skutnabb-Kangas, 1988, p. 20].

Возражение вызывает и тезис эколингвистики о существовании прямой взаимозависимости между биологическим и языковым разнообразием. Между тем «популяция людей и популяция языков развиваются по разным моделям: популяция людей растет экспоненциально, или геометрически, и ее кривая все время поднимается вверх, тогда как популяция языков сталкивается с сопротивлением среды и растет логистически, в форме латинского S... Сегодня популяция мировых языков находится... в стадии отрицательного роста. Человеческая популяция будет продолжать расти, но рост популяции языков остановлен, и она (популяция языков. – *Н. Т.*) может сокращаться даже несмотря на появление новых языков» [Марусенко, 2019, с. 92].

Весьма сильным аргументом против экологического подхода к языку является и то, что языки, в отличие от биологических видов, могут сохраняться, образуя смешанные формы, если используются в изменившихся условиях. Для сохранения же биологического вида важно сохранение условий его существования.

Насколько правомерен лозунг «Чем больше языков, тем лучше»? По мнению, М. А. Марусенко, он провоцирует нарушение языкового равновесия в мире: «Чем сильнее будет конкуренция между языками, тем больше будет распространяться английский язык. В этом всеобщем смешении языков, при котором ни один автохтонный язык не сможет стать доминирующим, английский автоматически становится единственным языком международной коммуникации» [Марусенко, 2015, с. 152–153].

Трудно отрицать, что реальное применение принципа равенства языков в коммуникации в наднациональных организациях, например в Европейском союзе экономически невыгодно и практически неосуществимо.

Завершая приведение аргументов против тезиса об уподоблении языков биологическим видам, нельзя не упомянуть и еще одно соображение противников биологической метафоры: она, как это ни странно, способствует безразличному отношению к исчезновению (смерти) языков, поскольку оно считается естественным завершением эволюции языка как живого организма.

Критику вызывает также эмоциональная доминанта терминологии, принятой в эколингвистических публикациях. В лингвис-

тическом политкорректном дискурсе существуют термины, определяющие эмоциональную насыщенность высказываний: носители исчезающих языков – это «жертвы», языки как субъекты «ведут языковые войны», английский язык – это «язык-убийца». В результате формируется «алармистский дискурс», который «основывается на обманчивых метафорах и ложной сентиментальности» [Марусенко, 2015, с. 145] и при этом не учитывает в достаточной мере реальности речевой коммуникации, в первую очередь то, что носители языков нередко отказываются от своих материнских языков и перестают обучать им своих детей.

Таким образом, противники применения экологической метафоры к языку считают, что она заслоняет собой реальные социальные и политические факторы, приводящие к исчезновению языков. Причины этого коренятся не в языках, не в их устройстве, а во власти, в господствующих предрассудках по отношению к носителям языков, прежде всего к маргинализированным национальным и этническим меньшинствам.

Казалось бы, приведенные аргументы противников эколингвистической концепции должны были бы воспрепятствовать ее популярности, чего, однако, не произошло до сих пор: движение в защиту исчезающих языков ширится, принимаются соответствующие декларации и законы, хотя антиэколингвисты и считают их бесполезными. К ним относится, например, «Декларация об африканских языках и литературах», принятая 17 января 2000 г. в г. Асмэра (Эритрея, Восточная Африка). В этой Декларации говорится: «1. Африканские языки должны принять на себя обязанность, ответственность и вызов использования их на континенте. 2. Жизнеспособность и равенство африканских языков рассматриваются как основа будущего “empowerment”¹ африканских народов» [The Asmara declaration]. Таким образом, на языки возлагается ответственность говорить за целый континент и им вменяются некоторые обязанности, как если бы они были живыми существами.

Экология языка как направление языкознания и идеологическая база языковой политики неслучайно стала развиваться в эпоху глобализации, когда: 1) концепция «одна нация – одно государство» была подвергнута критике наднациональными политическими организациями и транснациональными корпорациями, с одной стороны, и одновременно использована национальными меньшинствами в

¹ Так в тексте Декларации. – Н. Т. (перевод: «расширение прав и возможностей»).

борьбе за свои права, за создание собственных национальных государств – с другой; 2) возникла потребность в новых когнитивных моделях, отражающих не моноязычную, а многоязычную реальность [Марусенко, 2019, с. 122]. Такими моделями стали концепция лингвистического политкорректного дискурса (термин Л.-Ж. Кальве [Calvet]) и гравитационная модель языков, в которых язык и многоязычие рассматриваются как ресурс. В политкорректном дискурсе реализуется когнитивная модель «язык – живой организм, существующий во внешней среде и взаимодействующий с ней».

Этот дискурс основан на признании следующих исходных положений, определяющих профессиональную этику лингвистов: 1) все языки равны; 2) все языки способны в одинаковой степени выражать все знания, накопленные человечеством; 3) все языки должны иметь письменность; 4) миноритарные языки имеют право на официальное признание; 5) языки как часть культурного наследия или виды под угрозой исчезновения должны иметь защиту; 6) носители языка имеют право на обучение на этом языке; 7) потеря языка означает потерю своих корней, идентичности и культуры.

Однако не все перечисленные положения профессиональной лингвистической этики поддерживаются специалистами. Так, например, не все исследователи в социогуманитарной сфере считают, что все языки способны в одинаковой степени выражать все знания, накопленные человечеством, отмечая, что «есть научные произведения, которые могут быть написаны только на немецком языке, другие – на итальянском. Философ Мартин Хайдеггер, создавший немало труднопереводимых понятий, считал, например, что для философии более других подходят немецкий и греческий языки» [Hirnstein, 2017, S. 55].

Противники эколингвистической концепции считают, что многие проблемы языковой политики обусловлены эфемерным постулатом о равенстве всех языков без учета того, что «на самом деле языки изначально неравны» [Марусенко, 2019, с. 125], поскольку не уточняется, по какому параметру сравниваются языки – по качественному (достоинство языка) или по количественному. Ответ на вопрос о достоинстве языка может быть только один: все языки и их носители обладают достоинством, которое не зависит ни от существования письменности на этом языке, ни от особенностей лингвокультуры.

Количественный признак применительно к языкам также недостаточен, потому что для характеристики состояния мировой системы языков важно не просто число языков, а число их носителей и распределение функциональной нагрузки по конкретным языкам.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экология языка (эколингвистика) как активно развивающееся полипарадигмальное направление языкознания сформировалось в ответ на запрос общества по поводу обеспечения культурного и языкового разнообразия, а также безопасности языков. Усилия в первом направлении открыли новую страницу в языковой идеологии, показав, что идеология, построенная на принципе «одна нация – одно государство – один язык» (возникшая в XVII–XIX вв. в эпоху возникновения европейских государств и вновь востребованная в XX в., когда происходило формирование независимых государств в Азии и Африке), уже не соответствует основной тенденции мирового развития в эпоху глобализации. Транснациональная миграция людей привела к формированию новой этничности, мультикультурализма, иначе расставила акценты в самоидентификации человека, сместив язык с центрального места в ней [Трошина, 2019]. Идеологический тезис, что язык напрямую соотносится с культурой и нацией, не учитывает сложность структуры многоязычных сообществ: «Утверждение о том, что *один* язык означает *одну* (культурную, этническую, национальную, классовую, поколенческую, гендерную или иную) *идентичность*, является явным упрощением. В век глобальных коммуникаций и миграций эта формула уже не может применяться» [Марусенко, 2019, с. 100], а национальный суверенитет совместим с внутренним многоязычием.

Экология языка учитывает современные реалии лингвосферы и поэтому исходит из признания ее многоаспектности – соотношения собственно языковых, социальных, исторических, культурных и правовых факторов в процессе взаимодействия языков. Поэтому эколингвистика является полипарадигмальной наукой, объединившей социолингвистический, лингвокультурологический, психолингвистический, прагматический и правовой подходы. Последнее необходимо подчеркнуть, так как именно эколингвистика акцентирует связь языка с языковыми правами человека как с фундаментальными его правами и направлена на борьбу с языковой дискриминацией.

Свою важную цель эколингвистика видит в защите безопасности языка как феномена культуры, различая при этом внешнюю и внутреннюю языковую безопасность. Внешняя безопасность языка определяется социальными, правовыми, экономическими и политическими факторами его существования, равно как и его позиций в гравитационной модели языков, т.е. его значимостью

во взаимодействии с языками-соседями, а также с суперцентральными языками и с гиперцентральной языком – английским. Этими проблемами занимается *макроэколингвистика*.

Внутренней безопасностью языка как культурного феномена, т.е. его системным и коммуникативным здоровьем занимается *микроэколингвистика* и особенно ее раздел «эмотивная лингвозкология». Ее усилия направлены на сохранение литературной нормы языка, прежде всего в сфере публичной коммуникации и в СМИ; на развитие соответствующих дискурсивных компетенций носителей языка; на борьбу с загрязнением языка с субстандартной, обценной лексикой и жаргонизмами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атлас языков России. – Режим доступа: <http://lingvarium.org/russia/ALR.shtml>
- Баженова И. В., Пищальникова В. А. Актуальные проблемы лингвистической безопасности. – М.: Юнити = Unity, 2015. – 151 с.
- Бакач Н. Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 1998. – 21 с.
- Барселонская декларация. – Режим доступа: https://eeas.europa.eu/archives/docs/euromed/docs/bd_en.pdf (дата – обращения 01.03.2020).
- Богус М. Б. Развитие умственных способностей младших школьников в условиях адыго-русского двуязычия. – Майкоп: Магарин О. Г., 2010. – 343 с.
- Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Экологическая лингвистика. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Флинта, Наука, 2018. – 184 с.
- Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. Н. В. Тюкиной. – Изд. 2-е, испр. – М.: URSS: Ленанд, 2017. – 299 с.
- Вольф О. А. Язык СМИ в аспекте лингвоэкологии: конспект лекций. – Абакан: Изд-во Хакасс. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2016. – 124 с.
- Всеобщая декларация языковых прав. – Режим доступа: https://www.wikizero.com/ru/%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2 (дата обращения – 03.03.2020).
- Голев Н. Д. Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. – Режим доступа: <http://lingvotech.com/golev-99a> (дата обращения – 05.03.2020).
- Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов // Правовая реформа в Российской Федерации: Общеуоретические и исторические аспекты. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2002. – С. 110–123.
- Гордеев И. Трансформация власти и политики в эпоху постмодерна и глобализации // Обозреватель = Observer. – М., 2007. – № 12. – С. 103–110.
- Джорджевич К. Социально-политическая и языковая ситуация в странах бывшей Югославии. – Режим доступа: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/88/> (дата обращения – 01.03.2020).
- Добров Д. Трудная интеграция турок в Германии // ИноСМИб. – 2017. – 18.09. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170918/240306259.html> (дата обращения – 01.03.2020).
- Европейская хартия региональных языков или языковых меньшинств. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/european-charter-regional-or-minority-languages/o-hartii> (дата обращения – 01.03.2020).
- Земцов И. Г. Советский язык – энциклопедия жизни. – М.: Вече, 2009. – 512 с.

- Иванова Е. В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса. – М.: Флинта, Наука, 2015. – 176 с.
- Ионин Л. Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1996. – 278 с.
- Карасик В. И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 191–201.
- Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Перемена, 2010. – 421 с.
- Кожемяков А. С. Языки национальных меньшинств // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – С. 32–45.
- Коменский Я. А. Антология гуманной педагогики. – М.: Изд-во дома Шалвы Амонашвили, 1996. – 224 с.
- Лаптева Т. Н. Лингвосфера в эпоху глобализации // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.; СПб.: ЕЛИМА: Питер, 2006. – С. 1160.
- Марусенко М. А. Новая парадигма языковой политики и ее лингвистические и образовательные последствия // Форум-диалог: Языковая политика. Общероссийская перспектива: сб. докладов. – М.: Федер. агентство по делам национальностей России, 2018. – С. 171–178.
- Марусенко М. А. Новый мировой языковой порядок. – СПб.: Из-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – 684 с.
- Марусенко М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. – М.: Изд-во ВКН, 2015. – 496 с.
- Мельник Ю. В. Языковая глобализация // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – М.; СПб.: ЕЛИМА: Питер, 2006. – С. 1110.
- Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. – М., Флинта, Наука, 2009. – 584 с.
- Михальченко В. Ю. Языковой конфликт в полиэтническом государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире = Language policy and language conflicts in contemporary world. Межд. науч. конф., Москва, Ин-т языкознания РАН, 16–19 сент. 2014. – М.:
- Ин-т языкознания РАН, Науч.-иссл. центр по нац.-яз. отнош., 2014. – С. 210–213.
- Панченко Н. Н. Экологичность коммуникации сквозь призму достоверности информации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 374–388.
- Панченко Н. Н., Штеба А. А. Введение // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 5–7.
- Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/157> (дата обращения – 01.03.2020).
- Реликтолингвистика и Красная книга языков. – Режим доступа: <http://www.garshin.ru/linguistics/system/relic-languages.html>

- Сарнов Б.* Наш советский новояз: Маленькая энциклопедия реального социализма. – М.: Материк, 2002. – 600 с.
- Скворцов Л. В.* Цивилизационные опасности: Философская интерпретация. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 384 с.
- Сковородников А. П.* Экология русского языка. – Красноярск: Изд-во Сиб. федер. гос. ун-та, 2016. – 388 с.
- Сегленмей С. Ф.* Роль родного языка обучения в начальной школе // Вестник Тувин. гос. ун-та. – 2016. – Вып. 1/8: Педагогические науки. – С. 105–112.
- Словарь социолингвистических терминов. – М.: Ин-т языкознания РАН: Ин-т иностр. яз., 2006. – 312 с.
- Солодовникова Н. Г.* Содержание научного направления «эмотивная лингвозкология»: Проблемы и перспективы // Эмотивная лингвозкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 43–52.
- Стернин И. А.* Проблема сквернословия. – Изд-е 5-е, доп. и перераб. – Воронеж: Истоки, 2011. – 23 с.
- Терминосистемы экологического дискурса в английском, французском и русском языках: полипарадигматический подход к исследованию, переводу и обучению / Авдоница М. Ю., Жабо Н. И. Терехова С. Ю., Валеева Н. Г. – М.: РУДН, 2016. – 2014 с.
- Трошина Н. Н.* Немецкий язык в современной Европе: (Науч.-анал. обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – С. 102–121.
- Трошина Н. Н.* О Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств и немецком языке за пределами немецкоязычного региона // Вестник МГЛУ: Гуманитарные науки. – М., 2017. – Вып. 6 (777). – С. 239–246.
- Трошина Н. Н.* О языковом аспекте самоидентификации личности // Когнитивные исследования языка. – Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2019. – Вып. 31: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: сб. науч. трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова. – С. 334–339.
- Трошина Н. Н.* Стилевая система культуры и публичный дискурс в условиях социально-культурной трансформации общества // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = (Human being: Image and essence. Humanitarian aspects): науч. журнал. – М., 2017 а. – № 1/2 (28/29). – С. 201–213.
- Трошина Н. Н., Раренко М. Б.* Немецкий язык в эпоху глобализации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник: Теории истины. Язык в контексте глобализации. – М., 2005. – С. 131–164.
- Турецкое общество в Германии. – Режим доступа: <https://vokrugplanetu.ru/germaniya/tureczkoe-obshhestvo-v-germanii.html> (дата обращения – 04.03.2020).
- Цой А. И.* Лингвозкология эмотивного компонента бизнес-коммуникации // Эмотивная лингвозкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 288–294.
- Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

- Экология русского языка: словарь лингвоэкологических терминов / автор-сост. Сковородников А. П. – М.: Флинта, Наука, 2017. – 384 с.
- Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znania/2006/1/russkij-yazyk-v-svete-tvorcheskoj-filologii-razyskaniya.html> (дата обращения – 03.03.2020).
- Язык и общество: энциклопедия / гл. ред. Михальченко В. Ю. – М.: Азбуковник, 2016. – 872 с.
- Agwuele A. Globalization, dying languages and the futility of saving them. – Mode of access: http://www.inst.at/trans/17Nr/1-3/1-3_agwuele17.htm (дата обращения – 03.03.2020).
- Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. – Berlin; München; Boston: der Gruyter, 2015. – XVII, 1294 S.
- Bolinger D. Language, the loaded weapon: The use and abuse of language today. – London: Longman, 1980. – 214 p.
- Calvet L.-J. Globalization through the filter of translation // Hermès. – Paris, 2007. – N 49 : Translation and globalization. – P. 45–57.
- Colourful green ideas: Papers from the conference «30 years of language and ecology» (Graz 2000) and the symposium «Sprache und Ökologie» (Passau 2001) = Vorträge der Tagung «30 Jahre Ökolinguiistik» (Graz 2000) und des Symposions «Sprache und Ökologie» (Passau 2001) / Eds. Fill A., Penz H., Trampe W. – Bern; New York: Lang, 2002. – 513 S.
- Crawford J. Endangered native American languages: What is to be done, and why? // The bilingual research journal. – Bethesda, MD, 1995. – Vol. 19, N 1. – P. 17–38.
- Denison N., Tragut J. Language death and language maintenance // Sociolinguistica. – Berlin, 1990. – Bd 4: Minderheiten und Sprachkontakt. – S. 150–156.
- Die Bedeutung der Sprache: Bildungspolitische Konsequenzen und Maß nahmen / Hrsg. Bundesministerium für Bildung u. Forschung, Deutschland; Bundesministerium für Unterricht, Kunst u. Kultur, Österreich; Schweizerische Konferenz der kantonalen Erziehungsdirektoren, Schweiz. – Berlin: Wissenschaftsverlag, 2010. – 253 S.
- Dressler W. Language shift and language death – a protean challenge for the linguist // Folia linguistica. – Berlin., 1981. – Vol. 15. – P. 5–28.
- Fill A. Ecolinguistics – The ecolinguistics reader: Language, ecology and environment. – London; New York: Continuum, 2001. – P. 43–54.
- Fill A. Ökolinguiistik: Eine Einführung. – Tübingen: Narr, 1993. – XI, 151 S.
- Fill A. Von der Ökologie der Sprache zur Ökolinguiistik: Schritte in der Evolution einer Wissenschaft // Linguistics with a human face: Festschrift für Norma Denison zum 70. Geburtstag. – Graz: Univ. Graz, 1995. – P. 63–71.
- Fill A. Wörter zu Pflugscharen: Versuche einer Ökologie der Sprache. – Wien: Böhlau, 1987. – 178 S.

- Fishman J. A.* Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. – Clevedon u. a.: Multilingual Matters, 1991. – XIII, 431 p.
- Fishman J. A.* National languages and languages of wider communication in the developing nations // Language in sociocultural change. – Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1972. – P. 191–223.
- Haarmann H.* Multilingualismus. – Tübingen: Narr, 1980. – Bd 2: Elemente einer Sprachökologie. – 260 S.
- Hägege C.* Halte à la mort des langues. – Paris: Odile Jacob, 2000. – 402 p.
- Haugen E.* The ecology of language // Haugen E. The ecology of language: Essays by Einar Haugen. – Stanford: Stanford Univ. press, 1972. – P. 325–339.
- Hirnstain A.* Deutschsprachige Forscher sind benachteiligt, weil das Englische alles verdrängt – total disaster, so sad // Neue Züricher Zeitung am Sonntag. – Zürich, 2017. – 12.02. – S. 53.
- Huss L.* Researching language loss and revitalization // Encyclopedia of language and education. – New York: Springer, 2008. – Vol. 10: Research methods in language and education. – P. 69–81.
- Jenkins R.* Rethinking ethnicity: Arguments and explorations. – London: Sage, 1997. – VI, 194 p.
- Kibbee D.* Language policy and linguistic theory // Language in globalizing world. – Cambridge: Cambridge univ. press., 2003. – P. 47–57.
- Kloss H.* The American lingual tradition: language in education. Theory and practice. – Washington: Center for Applied Linguistics and Delta Systems, 1998. – 489 p.
- Kubota R.* The impact of globalization on language teaching in Japan // Globalization and language teaching. – London; New York: Routledge, 2002. – P. 13–28.
- Ladefoged P.* Another view of endangered languages // Language. – Washington, 1992. – N 68. – P. 809–812.
- Linke A.* Kommunikation, Kultur und Vergesellschaftung – Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Kommunikation // Sprache – Kognition – Kultur: Sprache zwischen mentaler Struktur und kultureller Prägung. – Berlin; New York: de Gruyter, 2008. – S. 24–50.
- Phillipson R.* Linguistic imperialism. – Oxford: Oxford Univ. press, 1992. – 365 p.
- Salikoko S. Mufwene.* Globalization and the myth of killer languages. – Mode of access: <http://mufwene.uchicago.edu/publications/globalization-killerLanguages.pdf> (дата обращения – 03.03.2020).
- Skutnabb-Kangas T.* Multilingualism and the education of minority children // Minority education: From Shame to struggle. – Clevedon: Avon, 1988. – P. 9–41.
- Stehl Th.* Mobilität, Sprachkontakte und Integration: Aspekte der Migrationslinguistik. – Mode of access: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/files/5530/moku01_S33_52.pdf (дата обращения – 03.03.2020).

- Swaan A. de.* Words of the world: The global language system. – Cambridge: Polity press, 2001. – 253 p.
- The Asmara declaration on African languages and literatures. – Mode of access: <https://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/asmara-declaration-african-languages-and-literatures> (дата обращения – 02.03.2020).
- The Green book of language revitalization in practice / Eds. Hinton L., Hale K. – San Diego; New York: Academic Press, 2001. – XVII, 450 p.
- Tretow L.* Migrationslinguistik: Eine kritische Betrachtung von drei ausgewählten / Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas. – Norderstadt: GRIN, 2016. – 16 S.
- Tsuda Yu.* The diffusion of English: Its impact on culture and communication // Keio communication review. – Tokyo, 1994. – Vol. 16. – P. 49–61.
- UNESCO atlas of the world languages in danger. – Mode of access: <http://www.unesco.org/languages-atlas/> (дата обращения – 01.03.2020).
- Wallace A.F.C.* Revitalization movements // American anthropologist. – Pensivania, 1956. – Vol. 58 (2). – P. 264–281.
- Weltsprache. – Mode of access: <https://www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/globalisierung/52515/weltsprache> (дата обращения – 01.03.2020).
- Zifonun G.* Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem: Erneute Diskussion zu einem gesellschaftsgerechten Sprachgebrauch // Sprachreport. – Mannheim, 2018. – Jg. 34. – N 34. – S. 44–56.

Н. Н. Трошина

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25/V – 2020 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1.
Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 3,25 Уч.-изд. л. 3,0
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 37

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. / Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У